

изъ нихъ и сдѣланы были и сообщены въ Петербургъ и послѣднимъ
 докладомъ описаны въ свѣдѣніи о войнѣ, начавшейся въ 1704 г. въ
 Ливоніи, въ 1705 г. въ Псковѣ и въ 1706 г. въ Гродно. Въ 1707 г.
 одъ гвардіи, въ 1708 г. въ Могилѣ, въ 1709 г. въ Мѣлѣ, въ 1710 г.
 въ Гродно, въ 1711 г. въ Могилѣ, въ 1712 г. въ Мѣлѣ, въ 1713 г.
 въ Гродно, въ 1714 г. въ Могилѣ, въ 1715 г. въ Мѣлѣ, въ 1716 г.
 въ Гродно, въ 1717 г. въ Могилѣ, въ 1718 г. въ Мѣлѣ, въ 1719 г.
 въ Гродно, въ 1720 г. въ Могилѣ, въ 1721 г. въ Мѣлѣ, въ 1722 г.
 въ Гродно, въ 1723 г. въ Могилѣ, въ 1724 г. въ Мѣлѣ, въ 1725 г.
 въ Гродно, въ 1726 г. въ Могилѣ, въ 1727 г. въ Мѣлѣ, въ 1728 г.
 въ Гродно, въ 1729 г. въ Могилѣ, въ 1730 г. въ Мѣлѣ, въ 1731 г.
 въ Гродно, въ 1732 г. въ Могилѣ, въ 1733 г. въ Мѣлѣ, въ 1734 г.
 въ Гродно, въ 1735 г. въ Могилѣ, въ 1736 г. въ Мѣлѣ, въ 1737 г.
 въ Гродно, въ 1738 г. въ Могилѣ, въ 1739 г. въ Мѣлѣ, въ 1740 г.
 въ Гродно, въ 1741 г. въ Могилѣ, въ 1742 г. въ Мѣлѣ, въ 1743 г.
 въ Гродно, въ 1744 г. въ Могилѣ, въ 1745 г. въ Мѣлѣ, въ 1746 г.
 въ Гродно, въ 1747 г. въ Могилѣ, въ 1748 г. въ Мѣлѣ, въ 1749 г.
 въ Гродно, въ 1750 г. въ Могилѣ, въ 1751 г. въ Мѣлѣ, въ 1752 г.
 въ Гродно, въ 1753 г. въ Могилѣ, въ 1754 г. въ Мѣлѣ, въ 1755 г.
 въ Гродно, въ 1756 г. въ Могилѣ, въ 1757 г. въ Мѣлѣ, въ 1758 г.
 въ Гродно, въ 1759 г. въ Могилѣ, въ 1760 г. въ Мѣлѣ, въ 1761 г.
 въ Гродно, въ 1762 г. въ Могилѣ, въ 1763 г. въ Мѣлѣ, въ 1764 г.
 въ Гродно, въ 1765 г. въ Могилѣ, въ 1766 г. въ Мѣлѣ, въ 1767 г.
 въ Гродно, въ 1768 г. въ Могилѣ, въ 1769 г. въ Мѣлѣ, въ 1770 г.
 въ Гродно, въ 1771 г. въ Могилѣ, въ 1772 г. въ Мѣлѣ, въ 1773 г.
 въ Гродно, въ 1774 г. въ Могилѣ, въ 1775 г. въ Мѣлѣ, въ 1776 г.
 въ Гродно, въ 1777 г. въ Могилѣ, въ 1778 г. въ Мѣлѣ, въ 1779 г.
 въ Гродно, въ 1780 г. въ Могилѣ, въ 1781 г. въ Мѣлѣ, въ 1782 г.
 въ Гродно, въ 1783 г. въ Могилѣ, въ 1784 г. въ Мѣлѣ, въ 1785 г.
 въ Гродно, въ 1786 г. въ Могилѣ, въ 1787 г. въ Мѣлѣ, въ 1788 г.
 въ Гродно, въ 1789 г. въ Могилѣ, въ 1790 г. въ Мѣлѣ, въ 1791 г.
 въ Гродно, въ 1792 г. въ Могилѣ, въ 1793 г. въ Мѣлѣ, въ 1794 г.
 въ Гродно, въ 1795 г. въ Могилѣ, въ 1796 г. въ Мѣлѣ, въ 1797 г.
 въ Гродно, въ 1798 г. въ Могилѣ, въ 1799 г. въ Мѣлѣ, въ 1800 г.
 въ Гродно, въ 1801 г. въ Могилѣ, въ 1802 г. въ Мѣлѣ, въ 1803 г.
 въ Гродно, въ 1804 г. въ Могилѣ, въ 1805 г. въ Мѣлѣ, въ 1806 г.
 въ Гродно, въ 1807 г. въ Могилѣ, въ 1808 г. въ Мѣлѣ, въ 1809 г.
 въ Гродно, въ 1810 г. въ Могилѣ, въ 1811 г. въ Мѣлѣ, въ 1812 г.
 въ Гродно, въ 1813 г. въ Могилѣ, въ 1814 г. въ Мѣлѣ, въ 1815 г.
 въ Гродно, въ 1816 г. въ Могилѣ, въ 1817 г. въ Мѣлѣ, въ 1818 г.
 въ Гродно, въ 1819 г. въ Могилѣ, въ 1820 г. въ Мѣлѣ, въ 1821 г.
 въ Гродно, въ 1822 г. въ Могилѣ, въ 1823 г. въ Мѣлѣ, въ 1824 г.
 въ Гродно, въ 1825 г. въ Могилѣ, въ 1826 г. въ Мѣлѣ, въ 1827 г.
 въ Гродно, въ 1828 г. въ Могилѣ, въ 1829 г. въ Мѣлѣ, въ 1830 г.
 въ Гродно, въ 1831 г. въ Могилѣ, въ 1832 г. въ Мѣлѣ, въ 1833 г.
 въ Гродно, въ 1834 г. въ Могилѣ, въ 1835 г. въ Мѣлѣ, въ 1836 г.
 въ Гродно, въ 1837 г. въ Могилѣ, въ 1838 г. въ Мѣлѣ, въ 1839 г.
 въ Гродно, въ 1840 г. въ Могилѣ, въ 1841 г. въ Мѣлѣ, въ 1842 г.
 въ Гродно, въ 1843 г. въ Могилѣ, въ 1844 г. въ Мѣлѣ, въ 1845 г.
 въ Гродно, въ 1846 г. въ Могилѣ, въ 1847 г. въ Мѣлѣ, въ 1848 г.
 въ Гродно, въ 1849 г. въ Могилѣ, въ 1850 г. въ Мѣлѣ, въ 1851 г.
 въ Гродно, въ 1852 г. въ Могилѣ, въ 1853 г. въ Мѣлѣ, въ 1854 г.
 въ Гродно, въ 1855 г. въ Могилѣ, въ 1856 г. въ Мѣлѣ, въ 1857 г.
 въ Гродно, въ 1858 г. въ Могилѣ, въ 1859 г. въ Мѣлѣ, въ 1860 г.
 въ Гродно, въ 1861 г. въ Могилѣ, въ 1862 г. въ Мѣлѣ, въ 1863 г.
 въ Гродно, въ 1864 г. въ Могилѣ, въ 1865 г. въ Мѣлѣ, въ 1866 г.
 въ Гродно, въ 1867 г. въ Могилѣ, въ 1868 г. въ Мѣлѣ, въ 1869 г.
 въ Гродно, въ 1870 г. въ Могилѣ, въ 1871 г. въ Мѣлѣ, въ 1872 г.
 въ Гродно, въ 1873 г. въ Могилѣ, въ 1874 г. въ Мѣлѣ, въ 1875 г.
 въ Гродно, въ 1876 г. въ Могилѣ, въ 1877 г. въ Мѣлѣ, въ 1878 г.
 въ Гродно, въ 1879 г. въ Могилѣ, въ 1880 г. въ Мѣлѣ, въ 1881 г.
 въ Гродно, въ 1882 г. въ Могилѣ, въ 1883 г. въ Мѣлѣ, въ 1884 г.
 въ Гродно, въ 1885 г. въ Могилѣ, въ 1886 г. въ Мѣлѣ, въ 1887 г.
 въ Гродно, въ 1888 г. въ Могилѣ, въ 1889 г. въ Мѣлѣ, въ 1890 г.
 въ Гродно, въ 1891 г. въ Могилѣ, въ 1892 г. въ Мѣлѣ, въ 1893 г.
 въ Гродно, въ 1894 г. въ Могилѣ, въ 1895 г. въ Мѣлѣ, въ 1896 г.
 въ Гродно, въ 1897 г. въ Могилѣ, въ 1898 г. въ Мѣлѣ, въ 1899 г.
 въ Гродно, въ 1900 г. въ Могилѣ, въ 1901 г. въ Мѣлѣ, въ 1902 г.
 въ Гродно, въ 1903 г. въ Могилѣ, въ 1904 г. въ Мѣлѣ, въ 1905 г.
 въ Гродно, въ 1906 г. въ Могилѣ, въ 1907 г. въ Мѣлѣ, въ 1908 г.
 въ Гродно, въ 1909 г. въ Могилѣ, въ 1910 г. въ Мѣлѣ, въ 1911 г.
 въ Гродно, въ 1912 г. въ Могилѣ, въ 1913 г. въ Мѣлѣ, въ 1914 г.
 въ Гродно, въ 1915 г. въ Могилѣ, въ 1916 г. въ Мѣлѣ, въ 1917 г.
 въ Гродно, въ 1918 г. въ Могилѣ, въ 1919 г. въ Мѣлѣ, въ 1920 г.
 въ Гродно, въ 1921 г. въ Могилѣ, въ 1922 г. въ Мѣлѣ, въ 1923 г.
 въ Гродно, въ 1924 г. въ Могилѣ, въ 1925 г. въ Мѣлѣ, въ 1926 г.
 въ Гродно, въ 1927 г. въ Могилѣ, въ 1928 г. въ Мѣлѣ, въ 1929 г.
 въ Гродно, въ 1930 г. въ Могилѣ, въ 1931 г. въ Мѣлѣ, въ 1932 г.
 въ Гродно, въ 1933 г. въ Могилѣ, въ 1934 г. въ Мѣлѣ, въ 1935 г.
 въ Гродно, въ 1936 г. въ Могилѣ, въ 1937 г. въ Мѣлѣ, въ 1938 г.
 въ Гродно, въ 1939 г. въ Могилѣ, въ 1940 г. въ Мѣлѣ, въ 1941 г.
 въ Гродно, въ 1942 г. въ Могилѣ, въ 1943 г. въ Мѣлѣ, въ 1944 г.
 въ Гродно, въ 1945 г. въ Могилѣ, въ 1946 г. въ Мѣлѣ, въ 1947 г.
 въ Гродно, въ 1948 г. въ Могилѣ, въ 1949 г. въ Мѣлѣ, въ 1950 г.
 въ Гродно, въ 1951 г. въ Могилѣ, въ 1952 г. въ Мѣлѣ, въ 1953 г.
 въ Гродно, въ 1954 г. въ Могилѣ, въ 1955 г. въ Мѣлѣ, въ 1956 г.
 въ Гродно, въ 1957 г. въ Могилѣ, въ 1958 г. въ Мѣлѣ, въ 1959 г.
 въ Гродно, въ 1960 г. въ Могилѣ, въ 1961 г. въ Мѣлѣ, въ 1962 г.
 въ Гродно, въ 1963 г. въ Могилѣ, въ 1964 г. въ Мѣлѣ, въ 1965 г.
 въ Гродно, въ 1966 г. въ Могилѣ, въ 1967 г. въ Мѣлѣ, въ 1968 г.
 въ Гродно, въ 1969 г. въ Могилѣ, въ 1970 г. въ Мѣлѣ, въ 1971 г.
 въ Гродно, въ 1972 г. въ Могилѣ, въ 1973 г. въ Мѣлѣ, въ 1974 г.
 въ Гродно, въ 1975 г. въ Могилѣ, въ 1976 г. въ Мѣлѣ, въ 1977 г.
 въ Гродно, въ 1978 г. въ Могилѣ, въ 1979 г. въ Мѣлѣ, въ 1980 г.
 въ Гродно, въ 1981 г. въ Могилѣ, въ 1982 г. въ Мѣлѣ, въ 1983 г.
 въ Гродно, въ 1984 г. въ Могилѣ, въ 1985 г. въ Мѣлѣ, въ 1986 г.
 въ Гродно, въ 1987 г. въ Могилѣ, въ 1988 г. въ Мѣлѣ, въ 1989 г.
 въ Гродно, въ 1990 г. въ Могилѣ, въ 1991 г. въ Мѣлѣ, въ 1992 г.
 въ Гродно, въ 1993 г. въ Могилѣ, въ 1994 г. въ Мѣлѣ, въ 1995 г.
 въ Гродно, въ 1996 г. въ Могилѣ, въ 1997 г. въ Мѣлѣ, въ 1998 г.
 въ Гродно, въ 1999 г. въ Могилѣ, въ 2000 г. въ Мѣлѣ, въ 2001 г.
 въ Гродно, въ 2002 г. въ Могилѣ, въ 2003 г. въ Мѣлѣ, въ 2004 г.
 въ Гродно, въ 2005 г. въ Могилѣ, въ 2006 г. въ Мѣлѣ, въ 2007 г.
 въ Гродно, въ 2008 г. въ Могилѣ, въ 2009 г. въ Мѣлѣ, въ 2010 г.
 въ Гродно, въ 2011 г. въ Могилѣ, въ 2012 г. въ Мѣлѣ, въ 2013 г.
 въ Гродно, въ 2014 г. въ Могилѣ, въ 2015 г. въ Мѣлѣ, въ 2016 г.
 въ Гродно, въ 2017 г. въ Могилѣ, въ 2018 г. въ Мѣлѣ, въ 2019 г.
 въ Гродно, въ 2020 г. въ Могилѣ, въ 2021 г. въ Мѣлѣ, въ 2022 г.
 въ Гродно, въ 2023 г. въ Могилѣ, въ 2024 г. въ Мѣлѣ, въ 2025 г.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЛИФЛЯНЦА.

1700—1815.

Въ 1858 году, военный историкъ нашъ, **Ө. И. Смитъ**, напечаталъ въ Лейпцигѣ и Гейдельбергѣ, въ двухъ томахъ, „Записки лифлянца“ (*Denkwürdigkeiten eines Livländers*). Записки эти были собраны **Ө. И. Смитомъ** въ 1858 году, по дневникамъ, письмамъ и изустнымъ разсказамъ генералъ-маіора барона **Вольдемара Девенштерна**, повѣрныя по другимъ достовернымъ источникамъ, просмотрѣны и исправлены генераломъ и признаны съ его стороны истинными, какъ бы самимъ имъ написанными. Ихъ не слѣдуетъ, впрочемъ, смѣшивать съ собственноручными мемуарами барона **Девенштерна**, на французскомъ языкѣ, которые онъ еще прежде передалъ на храненіе въ архивъ нашего военнаго министерства. (*)

Во время печатанія „Записокъ лифлянца“, генералъ **Девенштернъ** скончался въ С.-Петербургѣ, 21-го января 1858 года, восьмидесяти-двухъ лѣтъ отъ роду. Последнія двадцать-пять лѣтъ жизни онъ провелъ въ отставкѣ и, по занимаемой имъ небольшой квартирѣ въ гостиницѣ **Демута**, № 21, называлъ себя въ шутку *вустанинскомъ Мойки*. Въ первыхъ домахъ столицы генералъ былъ желаннымъ гостемъ, какъ остроумный и любезный собесѣдникъ, и именитѣйшія особы посѣщали его въ скромномъ жилищѣ на **Мойкѣ**, гдѣ постоянно можно было встрѣтить министровъ и генераловъ, дипломатовъ, ученыхъ и художниковъ. Въ особенности государственный канцлеръ, графъ **Нессельроде**, генералъ-адъютанты князь **Чернышевъ** и князь **Воронцовъ**, графиня **Паденъ**, **Ридигеръ** и **Бергъ**, удостоивали **Девенштерна** своею дружбою. До послѣднихъ дней жизни велъ онъ

(*) Записки эти находятся въ архивѣ военно-топографическаго депо.

обширную переписку, внутреннюю и заграничную, и еще за четыре недѣли до смерти г. Смитъ получилъ последнее письмо, отвѣтъ на которое уже не застаѣтъ барона въ живыхъ.

Несмотря на преклонныя лѣта, Левенштернъ сохранилъ до кончины всю свѣжесть головы, такъ что мощный духъ его, въ полномъ смыслѣ слова, поддерживалъ слабое тѣло. Давно готовясь къ смерти, онъ встрѣтилъ ее спокойно.

Въ извлеченіяхъ изъ „Записокъ шведовъ“, вообще полныхъ интереса, мы старались обращать преимущественное вниманіе на тѣ событія и личности, которыя очерчены съ наибольшою отчетливостію. Извлеченія эти могутъ коротко познакомить и съ оригинальною личностію лихаго кавалериста и отважнаго партизана, какимъ былъ въ молодости баронъ Вольдемаръ Левенштернъ.

Первые годы жизни и службы. Походъ въ Швецію.
 1777—1804.

Я родился въ 1777 году, въ землѣ Разинъ, въ Гариенскомъ округѣ Эстляндіи. Фамилія наша поселилась первоначально въ Лифляндіи, гдѣ и до сихъ поръ живутъ многія вѣтви ея. Принадлежа къ древнему дворянскому роду, Левенштерны получили въ 1720 году баронское достоинство. Въ Эстляндію переселился мой дѣдъ, наследовавшій здѣсь три имѣнія: Разинъ, Кампень и Аллаферъ; отецъ мой, Германъ-Людвигъ, служившій эстляндскимъ ландратомъ, пользовался общимъ уваженіемъ, былъ помѣщикъ зажиточный и большой хлѣбосоль.

Собственно шведское образованіе получилъ я въ ревельской дворянской академіи. Здѣсь преподавали, кромѣ новѣйшихъ языковъ, также латинскій, археологію, исторію, географію, геометрію, физикъ, анатомію и многое другое; учили также верховой ѣздѣ и фехтованію. Изъ всѣхъ учебныхъ предметовъ я занимался наиболѣе тѣми, которые считалъ нужными для военной службы, но очень любилъ также и словесныя науки.

На тринадцатомъ году мнѣ довелось быть свидѣтелемъ морскаго сраженія подъ Ревелемъ (14-го мая 1790 года), между шведами и русскими, въ которомъ шведы потеряли два линейныхъ корабля. Одинъ изъ нихъ взлетѣлъ на воздухъ. Это грозное величественное зрѣлище сильно подѣйствовало на мое молодое сердце. Съ тѣхъ поръ я часто думалъ о сраженіяхъ и горячо

лежалъ, посмотрѣлъ котъ на огнь. Високлѣтствіе вѣсланіе мое было удовлетворено до чистоты.

На семнадцатомъ году я былъ паремъ стройнымъ, высокімъ, недурной наружности. Стали поминавать о женитьбѣ, мнѣ на службу, которую, по тогдашнему обычаю, надлежало начинать рано. Подготовлено было отправить мѣня, по въ надлежащивъ и приличивъ надзорѣ, въ Петербургъ, гдѣ мнѣ предстояло пройти первые шаги военной школы до производства въ фельдмаршала. Въ Петербургѣ я познакомился (1798) съ весьма достойнымъ дядею, генераломъ Христофоромъ Бенкендорфомъ, отъ коего извѣстивъ мнѣ о вѣдѣніи братьевъ, графа Александра и Константина Бенкендорфовъ и княгини Ливей. Но мнѣ еще до отъѣзда изъ Ренна я былъ назначенъ сержантомъ въ лейбъ-гвардію Семёновскій полкъ; тогда же прибывъ въ столицу, генералъ Бенкендорфъ представилъ мѣня шефу этого полка, грѣшу Салтыкову. (*) Грабъ приказалъ мѣня записать и опредѣлить въ число нововъхъ ординарцевъ. Кромѣ мѣня были еще трое ординарцевъ-сержантовъ: князь Мещерскій и два графа Толстыхъ. Не послуживъ мнѣ при грабѣ Салтыковѣ, я сопровождалъ его въ дворѣ въ время происходившихъ тамъ большихъ собраний и праздниковъ, а такимъ образомъ успѣлъ насмотрѣться на мѣю тогдашнюю знатность. Обширность жерой величина, разнѣмашивъ всѣхъ другихъ; сімъ князь Платонъ Зубовъ. Около него группировались въ видѣ созвздія, зрѣды мѣняшой величаны. Но были и такіе, которые, несмотря на шавное зовѣдію, хотѣли идти собственноручно зрѣтамъ. Мнѣ, молодому гварді, казались ихъ „непудренными“, по слѣдующей причудѣ. Считаюсь особеннымъ звѣкомъ, мнѣ можно ослѣчить присутствіемъ при аудіетъ князя Платона Александровича и князя Платона Александровича, и я быль быль обшнать себя такимъ количествомъ аудры, что они обшнать оцѣдлать зоволнать и подала на парадные жемтамы о сѣднать мѣю госноды. Быль иль, и поправлявая прудъ о слѣднать мѣю счастнать, не считала въ неряшествомъ; напротивъ, служила доказательствомъ, что они стояли поблизостнать. И въ зрѣно зрѣдывали мѣю, которымъ хотѣлось пробраться впередъ.

(*) Грабъ Пѣколы Ивановичъ Салтыковъ, „винокликъ“ слухи князя Платона Зубова (какъ гдѣ дѣлать) мѣю князь Губовскій, въ „Запискахъ объ императрицѣ Екатеринѣ“, былъ, въ это время, председателемъ военной коллегіи. При императорѣ Александрѣ онъ получилъ княжеское достоинство, имѣлъ чинъ генераль-фельдмаршала и занималъ должность председателя государственнаго совѣта. Ред.

Изъ лицъ видѣнныхъ мною въ большой придворной палаткѣ, я особенно хорошо помню барона (въ послѣдствіи графа) Ферзена. Онъ прѣзжалъ откланиваться императрицѣ, отпрывшись въ Подлуну, гдѣ, какъ извѣстно, ему удалось повѣстать дѣле ваянать въ явнѣ Кесцюшки. Баронъ Ферзенъ зналъ меня еще съ дѣтъ родителей и предложилъ мнѣ быть въ явнѣ: „Ты вѣдь заговорилъ отъ пугль и сабелъ“ — замѣтила она

въ шуточку. — „Дѣла ваянать въ явнѣ Кесцюшки“ — замѣтила она.

Графиня Салтыкова рѣшительно воспринялась къ мнѣ. „Кань! — воскликнула она — вы уже теперь хотите предать мѣ, кодулю кровь? Нѣтъ, ни я, ни госпожа Бенкендоръ, (и она никогда не согласилась отпустить его.)“ Тогда я иente поѣхалъ средьнась съ компаніями. Между тѣмъ, и войско съ нами сложилась скоро.

И дождень половить слова барона Ферзена, назвавшяго меня „заговореннымъ отъ пугль и сабелъ“. Когда меня спаружили на службу, моя добрая матушка хотѣла особеннымъ образомъ предохранить меня отъ опасностей. Она была женщина чуждая суевѣрій, богобоязненная, но почему же, думалась ей, не попытаться отратить бѣды всеякой службы отъ любимаго сына средствомъ невѣжымымъ и ни для него же вреднымъ. Какъ-то вѣрстника славились искусствомъ лѣчить раны, и зато варивать отъ раны; рассказывали, что не одному релриту она давала выпить своего пойла, послѣ чего онъ никогда не бывалъ раненъ. Позвали старуху; пойло было изготовлено, и я, согласно предписанію, выпилъ его изъ ружейнаго стакана. Потомъ подлуня сказала мнѣ: „ты побѣдишь двадцать-вѣсь наредовъ и вѣдь дѣла будешь царствовать“.

Вѣроятно, Ферзенъ слышалъ это отъ моихъ родителей, или отъ генерала Бенкендоръ; но удивительно то, что до Подвергавшійся въ продолженіе моей боевой жизни, безчисленному множеству случаевъ быть застрѣленнымъ, ирубленнымъ или ишогльбленнымъ, получилъ только нешре незначительныя раны: ни одна кость не была повреждена у омени ни пуглемъ, ни сабелъ.

Сержантская служба моя была непродолжительна. Въ ислодѣ 1794 года я получилъ радостную вѣсть о дѣреведѣ мѣнѣ въ конную гвардію вахмистромъ, со старшинствомъ восьми лѣтъ службы, а въ самый день новаго (1795) года я былъ переименованъ въ ротмистры Украинскаго легко-коннаго полка. Хотя такія производства и не принадлежали въ то время къ числу

необыкновенныхъ, но все-таки считались милостию, и я былъ обязанъ своимъ повышеишемъ ходатайству доброй тетке моей, г-жи Бенкендорфъ. Вечеромъ, 1-го января, я явился на придворный балъ уже въ новомъ мундирѣ, удостоился быть представленнымъ ея величеству и былъ допущенъ къ ружью. Императрица сказала мнѣ обычное привѣтствіе со свойственною ей ласковостію.

Украинскій легко-конный полкъ былъ расположенъ въ окрестностяхъ Варшавы и входилъ въ составъ армии фельдмаршала Суворова. На пути къ мѣсту моего служенія, я прожилъ двѣ недѣли въ Гродно, гдѣ меня радушно приняли братья Палены, Павелъ и Петръ, состоявшіе въ штабѣ князя Репнина. Они предложили мнѣ у себя квартиру и познакомили меня съ всѣмъ тѣмъ гренадерскимъ обществомъ. Въ это время здѣсь находился король Станиславъ какъ бы подъ арестомъ. Русскіе офицеры, съ тѣмъ нислѣ и юба Палены, составляли его „*prison militaire*“, и потому я ижесть случай бывалъ въ королевскомъ дворцѣ, гдѣ неизменною Панатовскій, съ поворностию аудубѣ, не было безъ блиста и самоотрочности, ждалъ себя приговора. Видомыовникъ жель князь Репнинъ, окруженный болѣе нежели царскою пышностію. Два раза въ недѣлю онъ давалъ бластательныя бала, на которые съ удовольствіемъ съѣзжались красавицы-балки, поблндившия пламенными глазами поблндившей своимъ мршей и брлншевъ.

Изъ Гродно я долженъ былъ ѣхать въ Вѣлостокъ, гдѣ находился штабъ полка. Имъ командовалъ полковникъ Анрепъ (*), и судьба не могла воздать мнѣ болѣе достойнаго, болѣе благороднаго начальника. Надлежало прежде всего научить службу и знакъ смертннзатнаго офицера; казеннъ былъ я, сдѣлаться достойнымъ помѣщенія въ коммандѣ. Самъ Анрепъ могъ служить мнѣ, въ своемъ отношеніи, лучшимъ образцомъ и примѣромъ, а мало оживляемой горель, въ которель мы стали, какъ нельзя болѣе благопріятствовалъ успѣху моихъ усердныхъ занятій. Мнѣ пріятно вспоминать о Вѣлостокѣ; онъ послужилъ для меня какъ бы высшею военною школою, въ которой и пользовался наставленіями въ военномъ дѣлѣ и въ кавалерійской службѣ не одного Анрепа, но и другихъ офицеровъ, цитавшихъ ко мнѣ съчувствіе и расположеніе. Назову изъ нихъ

(*) Убитъ, въ чинѣ генерала, въ 1807 году подъ Моргуненомъ, въ Пруссіи, въ дѣлѣ съ французами.

Битгенштейна (1), Мантейфеля (2), Курссел (3). Все они охотно дѣлились съ неопытными ротмистрами своими богатыми опытными свѣдѣніями.

Полкъ нашъ получилъ приказаніе расположиться лагеремъ между Бѣльскомъ и Плоски, на Наревѣ. Кромѣ того, собрались здѣсь: Кіевскій конно-егерскій полкъ полковника Засса (4), Фанаторійскій гренадерскій полковника Жеребцова (5) и одинъ казачій полкъ, все подъ главнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Морица Ласси (6). Въ лагерь нашъ нерѣдко прѣзжалъ изъ Варшавы Суворовъ, и я не могу забыть того поразительнаго, электрическаго дѣйствія, которое производило на солдатъ появленіе героя.

Кочка императрицы Екатерины застала меня въ безрочномъ отпуску, который я принужденъ былъ взять по причинѣ трудной болѣзни. Изъ многихъ переминовъ и новыхъ назначеній въ арміи, ближе всего касалось меня повелѣніе, въ силу котораго все находившіеся въ безрочномъ отпуску офицеры считались удаленными изъ службы. Къ моему счастью, генералъ Бенкендорфъ былъ, въ это время, назначенъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Онъ написалъ обо мнѣ генералу Нумзену, новому генералъ-инспектору кавалеріи, который тотчасъ же принялъ меня въ кирасирскій своего имени полкъ. Подъ руководствомъ такого опытнаго кавалерійскаго начальника, какимъ былъ Нумзенъ, я еще болѣе усовершенствовался въ тонкостяхъ кавалерійской службы. Генералъ строго смотрѣлъ, чтобы офицеры его инспекціи постоянно упражнялись въ томъ, что онъ признавалъ необходимымъ, viz: въ главную квартиру свою въ Митаву съ каждымъ полкомъ по эскадрону, самъ училъ офицеровъ владѣнію оружіемъ, присутствовалъ при ихъ верховой ѣздѣ и требовалъ, чтобы офицеры практически занимались кованіемъ лошадей.

(1) Въ то время подполковникъ; впоследствии князь и фельдмаршалъ.

(2) Тогда преіеръ-майоръ; убитъ подъ Лейпцигомъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

(3) Вышелъ въ отставку подполковникомъ.

(4) Известный по участию въ турецкой войнѣ 1809—1810 г.; умеръ генералъ-лейтенантомъ.

(5) Убитъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта, при походѣ въ Пеллацію.

(6) Одинъ изъ отличившихся участниковъ въ штурмахъ Измаила и Праги. Командовалъ вспомогательнымъ корпусомъ въ Неаполѣ и умеръ, въ 1820 году, полнымъ генераломъ.

Вы составили инспекція генерала Нумзена включенъ быть Старорубский конно-карабинерный полкъ, расположенный на берегахъ Чернаго моря. По приходѣ этого полка въ Финляндію, мы выступили изъ Митавы въ Валкъ, гдѣ была назначена штабъ-квартира. Тамъ какъ я считался сверхкомплектнымъ офицеромъ, то генералъ возложилъ на меня исправленіе должности плацъ-майора. А и весь-то городишко можно было обинуть однимъ взглядомъ: стань на любую мѣсть, и увидишь Валкъ со всѣхъ четырехъ сторонъ окруженный полями. Мы однако жили здѣсь весело. Офицеры устроили казино и давали въ немъ танцевальные вечера, на которые собирались не только молодая горюшанка, но пріѣзжали и дворянскія дочки изъ соседнихъ мѣстъ. Кроме того, домъ генерала служилъ всегда пріятельнымъ мѣстомъ собранія. Независимо отъ обычныхъ вечеровъ, у него бывали вечернія бесѣды о военныхъ предметахъ, для чего раскладывались на столѣ карты, планы, книги и газеты. Весьма поучительны были для насъ его сужденія о тогдашнихъ военныхъ дѣйствіяхъ, и я съ удовольствіемъ вспоминаю, какъ объяснялъ онъ намъ отступление Моро, какъ показывалъ на картѣ тѣ мѣстности, черезъ которыя могъ спастись этотъ генералъ, поставленный въ критическое положеніе побѣдою арцгерцога Карла надъ Журдакомъ.

Нумзенъ жилъ прилично, но умеренно; только одинъ день въ недѣлю посвящалъ онъ, по тогдашнему обычаю, попойкѣ. День этотъ былъ пятница, который онъ и называлъ, по своей собственной этимологіи, „свободнымъ“ днемъ (Frei-tag). Въ тѣ дни генералъ любилъ видѣть многочисленное общество за своимъ столомъ. Обѣдъ начинался въ два часа по полудни, а оканчивался иногда въ двѣнадцатомъ часу. Почи, какъ и нынѣ, воевотаскали изъ погреба цѣлыми корзинами; пиръ шель на слѣду.

Нумзенъ былъ датчанинъ. Въ молодости служилъ онъ во французской арміи, бравшись въ семилѣтнюю войну подъ начальствомъ маршала Броуно и оказавъ отличіе во многихъ случаяхъ. По предложеніи императрицы Екатерины, онъ вступилъ въ русскую службу генералъ-лейтенантомъ и вскорѣ потомъ онъ славно участвовалъ въ Финляндіи верпусомъ противъ шведовъ. По причинѣ тяжелой раны, Нумзенъ всегда ходилъ съ костылемъ и съ трудомъ садился на коня, но, разъ усвѣвшись въ сѣдлѣ на своей превосходной английской лошади, подоралъ

одна была въ состоянн носилъ телу громаду, именно любимъ, неутомимымъ кавалеристомъ, и цинге при насъ, и последующихъ царей, не могъ сравниться съ нимъ. Кирисаляго была парадъ широка, что однажды я улегся въ ней будто въ кувшины и начался словно ребенокъ. Тратя много на парады, и въ сущности въ „свободный“ день и вообще будучи беззаботенъ, Нумсецъ часто нуждался въ деньгахъ. Всегда суровою оболочкою, своими военными привычками, своимъ, такъ сказать, слитиёмъ въ ремесло, которому себя посвятилъ, онъ олицетворялъ старика, арабало полковника-богатыря среднихъ вѣковъ, столь художественно воспроизведеннаго въ романахъ Вальтеръ-Скотта.

Кромѣ бесѣдныхъ вечеровъ, кромѣ пооекъ въ „свободный“ день, бывали еще въ Валкѣ игорные вечера у полковаломъ командира Ширая, племянника графа Безбородки. Играли, правда, только въ бостонъ, но играли какъ виртуозы и на весьма большую ставку. Тутъ и я прослѣдилъ курсъ тонкой и высокой игры и приобрѣлъ въ ней такую ловкость и такую обыкноту, которыя не остались потомъ безъ влннн на обстоятельство моей жизни.

Въ 1798 году я поступилъ въ число комплектныхъ офицеровъ полка, получилъ въ командованн 4-ю роту (*) и занялся обученнмъ моихъ людей по новому уставу: теперь они должны были иначе ѣхать, иначе маршировать, иначе производить эволюцн. Въ послѣднихъ числахъ декабря этого года мнѣ было прислано приказанн выступнть изъ мѣста стоянни моей роты черезъ двадцать четыре часа и идти на соединенн съ полкомъ. 1-го января 1799 года я выступнть въ Валкѣ, гдѣ нашелъ полковаго командира и офицеровъ чрезвычайно занятыхъ снаряженнмъ людей по новой формѣ. Такъ какъ всѣ вообще предметы обмундированн надлежало переимѣнить, то у насъ не было нужнаго числа новаго образца высокихъ кавалерйскихъ сапоговъ. Правда, на днягахъ мастеровые усердно цнли ихъ, однако до Риги оставалось недалеко, а мы должны были выступнть сюда въ полномъ парадѣ и подвергнуться инспекторскому смотру. Въ такой крайности, рѣшено было каждому солдату идать по одному новому сапогу для видимой снружн, а другой, невидимый, ногъ оставался въ прежнемъ, вероломн сапогѣ.

(*) Кавалерйскн полки состояли тогда изъ пяти эскадроновъ, и каждый эскадронъ раздѣлялся на двѣ роты. Следовательно, Левенштернъ былъ во второмъ эскадронѣ и командовалъ своимъ эскадронн, а не ротн.

Такимъ образомъ, наши одежды хероно прикрытыми, прошли мы неужели увидать Риги. . . .
Нав Ригу полкъ нашъ былъ направленъ на Брестъ-Литовскій). Въ корпусу князя Сергѣя Голицына, входившему въ составъ той арміи, которую Суворовъ велъ на помощь австрийцамъ противъ французовъ. На походъ князь дѣлалъ намъ смотръ. Мы уже были одѣты по русскому образцу. Кавалеристы сидѣли на конѣ въ узкомъ суконномъ колетѣ, въ лосиныхъ штатяхъ; съ напудренными волосами, жгтя на годовѣ шляпу съ перьями султаною, которую онъ должны были тщательно придерживать отъ порывовъ вѣтра. Разумѣется, и офицеры имѣли такой же нарядъ. Невозможно себѣ вообразить чего натерѣлись одѣтые подобнымъ образомъ люди въ суровую зиму 1799 года.

Князь Голицынъ былъ вскорѣ замѣненъ генераломъ Нумзеномъ; но только что получено было приказаніе перейти границу, какъ пришло и горестное для всѣхъ моихъ товарищей, и особенно для меня, извѣстіе: вмѣсто генерала Нумзена командиромъ корпуса былъ назначенъ Римскій-Корсаковъ. Подобныя внезапныя перемены случались тогда часто; тѣмъ не менѣе намъ было очень тяжело потерять нашего достойнаго начальника, особенно намъ, офицерамъ его полка, потому что у Нумзена отняли и полкъ, котораго онъ былъ шефомъ. Престарѣлый генералъ, очутившись въ стѣсненномъ положеніи не только потому, что лишился жалованья и другихъ служебныхъ выгодъ, но и потому, что ему предстояло расчитаться съ новымъ шефомъ. Никогда не будучи мотомъ, Нумзенъ не былъ однако и расчетливымъ храниномъ, не умѣлъ сводить итоговъ. По счастью, новый шефъ, генералъ Воиновъ, оказался человѣкъ честный, возвышеннаго образа мыслей, и притомъ богатый. Сочувствуя его безкорыстному желанію облегчить всѣ счеты, мы, офицеры, сдѣлали съ своей стороны все что могли, и нашъ честный старикъ Нумзенъ избавился отъ бѣды.

Близъ Шафгаузена мы стали лагеремъ на берегахъ Рейна.

Однажды—это было 14-го (25-го) сентября—я поѣхалъ съ товарищами за Шафгаузенъ. Въ то самое время, когда наши зеленыя рюмки были наполнены искрометнымъ виномъ, послышалось къ сторонѣ Цюриха что-то похожее на отдаленную канонаду.— „Это гудъ водопада!“ говорили одни офицеры.— „Нѣтъ!

это громъ!» возражали другіе. Но пушечные выстрѣлы слышались все яснѣе и яснѣе. Мы бросились на коней и поскакали въ полкъ. Дѣло было къ ночи и только-что приняло припаданіе переправиться черезъ Рейнъ у Эглизау и соединиться съ 4,000 баварцевъ, чтобы поддержать Корсакова, атакованнаго на различныхъ пунктахъ Массеною. Генералъ Войковъ созвалъ всадронныхъ командировъ, сдѣлалъ распоряженія относительно ночнаго марша, и мы выступили.

На другой день (15-го сентября) канонада началась съ большою живостію. Мы узнали, что Массена форсировалъ переправу черезъ Лимматъ и овладѣлъ Цюрихомъ, и что Корсаковъ отступаетъ. Вскорѣ мы получили приказаніе идти на рыхоты и прикрывать отступление, а спустя немного времени встрѣтили мы и Корсакова со смущеннымъ лицомъ, окруженнаго своими штабомъ, съ конвоемъ сумскихъ гусаровъ. Этотъ молодецкій полкъ былъ долго подъ смертоноснымъ огнемъ и потерялъ много людей, въ томъ числѣ и своего шефа, храбраго генерала Лыкошина. Покамѣстъ мы спѣшили впередъ, мимо насъ тнгулись непрерывно отступавшія пѣхота, артиллерія и обозъ. Мы горѣли нетерпѣніемъ встрѣтиться съ неприятелемъ. Вотъ онъ уже въ нашемъ виду!... Но въ это время стало смеркаться; мы приостановились, захватили нѣсколькихъ плѣнныхъ и прекратили дальнѣйшее наступленіе французовъ.

Ночью половина коней были разжунштучены; кирасиры развели бивуачные огни и легли отдыхать.

Рано утромъ двинулись мы въ боевомъ порядкѣ, вслѣдствіе чего неприятель произвелъ отступательное движеніе. Между тѣмъ, Корсаковъ, получивъ извѣстіе, что нѣкоторые пѣхотные полки и артиллерійскій паркъ потеряли сообщеніе съ арміею и что путь въ Эглизау имъ отрѣзанъ, приказалъ генералу Войнову отыскать эти части и далъ ему въ подкрѣпленіе казачій Астахова полкъ. 16-го сентября направились мы вдоль неприятельской линіи на Винтертуръ, предполагая, что отрѣзанныя части обратились на Диссенгофенъ; но едва подошли къ Винтертуру, какъ увидѣли себя окруженными неприятелемъ. Такъ какъ появленіе наше было неожиданно, то французы не успѣли перейти въ наступленіе; напротивъ того, мы сами произвели блистательную атаку, пробились и захватили нѣсколько плѣнныхъ. Тѣмъ не менѣе мы скоро сознали необходимость переправиться черезъ рѣку Туръ и трудными пресе-

тѣми пропущенными выбрѣсь на дорогу въ Эглинау. Крутой рысью проѣхали мы черезъ одну деревню, занятую французами, которые до того были изумлены, что только смотрѣли на насъ ить, оцѣнь и дѣшь по дождѣнному аскадрону дади нѣскольکو выстрѣловъ. Несмотря на поспѣшность и отвагу, несмотря на ловкость нашихъ казаковъ, мы, часто отбиваясь отъ небольшихъ атакъ, едва достигли Эглинау, куда стаянулись части отыскиваемыхъ нами баталіоновъ. Здѣсь, по приказанію Корсакова, надлежало сжечь мостъ черезъ Рейнъ. Мы расположились на правомъ берегу рѣки, въ виноградныхъ садахъ.

Вслѣдъ затѣмъ намъ было приказано отступитъ на Шаггауретъ и стати въ тылу предмостнаго укрѣпленія, построеннаго недалеко отъ монастыря у Бюаингена. Въ это время генераль Вонновъ получилъ начальство надъ форпостами лѣваго фланга, и мы, перейдя опять на лѣвый берегъ Рейна, стали отправлять съ уральскими казаками форпостную службу, причѣмъ насъ поддерживалъ егерскій полкъ. Сначала мы имѣли ежедневно перестрѣлки, но потомъ французы, вдругъ исчезли, и генераль князь Горчаковъ (впослѣдствіи военный министръ) позвалъ меня на рекогносцировку съ моимъ аскадрономъ и сотнею казаковъ. Въ первый разъ предстояло мнѣ дѣйствовать самостоятельно, по собственному усмотрѣнію. Не скрою, что на дѣлѣ это оказалось труднѣе, нежели какъ я воображалъ. Больше семи верстъ проѣхалъ я, пока замѣтилъ, что непріятель переправляется черезъ Туръ. Я имѣлъ положительное приказаніе не завязывать боя, а только слѣдить за движеніями французовъ и опредѣлить приблизительно ихъ численность; такъ я и сдѣлалъ, нарушивъ приказъ только тѣмъ, что, являясь счастливымъ случаемъ, взялъ въ плѣнъ двухъ французскихъ гусаровъ съ офицеромъ. За это я пондѣтился легкой сабельною ранюю.

Съ моими страшно-бородатыми краснокавказцами, я прѣхалъ въ лагерь ночью, усталый и до дитки пробитый проливнымъ дождемъ. О передѣванъ на форпостахъ нечего было и думать, и я легъ, какъ былъ, мокрый, къ огню. Отъ меня повалилъ густой паръ, словно отъ горячей каши въ горшкѣ; да вдобавокъ я влилъ въ себя, еще горячаго пуншу. Это было рѣдъ гидропатическаго леченія, придуманнаго мною задолго до Писидиа. Все кончилось благополучно, по милости счастливаго врача—молодости, которая всегда готова продать руку помощи.

Когда мой эскадронъ отправлялъ службу на сѣверной цѣпи, я постоянно заботился о безопасности женскаго монастыря св. Екатерины, находившагося въ южномъ районѣ, и даже итуженьскій охранный листъ. Въ благодарность за то, монахини присылали мнѣ вкусный обѣдъ, крѣпкій кофе, превосходныя линеры и всякаго рода прохладительныя. Когда же, послѣ жаркаго боя 7-го октября, мы очистили французамъ лѣвый берегъ Рейна, я съ горестію видѣлъ, какъ благочестивыя оидельницы попали въ несчастныя руки новомодныхъ язычниковъ... Не знаю, какая судьба постигла монахинь....

7-го октября Удино атаковалъ насъ при Шлатгъ превосходными силами и отбѣснилъ до Диссентгофена. Кавалерія наша произвела нѣсколько молодецкихъ атакъ; мой эскадронъ, между прочимъ, изрубилъ прислугу при четырехъ неприятельскихъ орудіяхъ и могъ бы взять самыя орудія, но общее отступление уже началось. Мы были принуждены очистить лѣвый берегъ и сожгли за собою мостъ.

Этимъ кончились военныя дѣйствія собственно въ нашемъ отрядѣ. Суворовъ совершилъ свой знаменитый переходъ чрезъ С.-Готаръ и еще болѣе трудное движеніе черезъ Гларусъ въ Хуръ, и послалъ Корсакову приказаніе идти на Линдау и Брегенцъ для присоединенія къ главнымъ силамъ. Въ оставленныхъ нами позиціи вступили австрійцы, подъ начальствомъ генерала Науэндорфа.

Я говорилъ здѣсь только о томъ, чему самъ былъ свидѣтелемъ, и въ заключеніе позволю себѣ замѣтку о нашемъ главномъ начальникѣ, генералѣ Корсаковѣ. Не войска, имѣя предводимыя, были причиною несчастья при Цюрихѣ—войска дрались храбро, мужественно — а его высокомеріе, его пагубно невѣрный взглядъ на французовъ. Римскій-Корсаковъ участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ въ Нидерландахъ и на Рейнѣ при корпусѣ Кондэ и усвоилъ себѣ предубѣжденія и мнѣнія лицъ, его окружавшихъ. Повторяя съ ихъ голоса, онъ утверждалъ, что новыя арміи французовъ состоятъ изъ свелочи, которая внушаетъ страхъ войскамъ нерѣшительнымъ только своими массажи, а передъ благоустроенною военною силою разбѣжится, послѣ кратковременнаго шума и яростнаго нападенія, какъ стадо барановъ. Не имѣя вышнихъ военныхъ дарованій, но преисполненный самохвальства и надменности, который давалъ чувствовать преимущественно австрійцамъ, Корсаковъ

налегалъ на свои ненавистыя солонниковъ и не пользовался побѣдою собственныхъ войскъ. При Цюрихъ онъ надвигалъ стѣны прѣматовъ, что и ученикъ въ военномъ искусствѣ не попустилъ бы хуже, и потому ни стойкость, ни блистательное мужество храбрыхъ войскъ не могли поправить очевиднаго ошибки начальника. Несмотря на то, Корсаковъ остался вѣренъ своей надженности: всю вину свалилъ онъ на австрийцевъ, которые, конечно, не были правы, и еще въ позднѣйше годы похвалялся своими военными подвигами въ Швейцарии.

Мы поднялись изъ лагеря подъ Шаагаузеномъ въ дождливую, вѣтряную ночь и, чтобы согрѣться и разсѣять мрачное настроеніе духа, зашли, передъ выступленіемъ, наши солонниковыя шалаши, къ крайнему неудовольствію австрийцевъ, расчитывавшихъ на готовыя квартиры. Прибывъ, послѣ утомительнаго марша, въ Штобахъ, мы нашли во въ деревни въ окрестностяхъ до того переполненными постоемъ войскъ, что при нуждѣ были опять расположиться бивуакомъ подъ проливнымъ дождемъ. Пока солдаты таскали издалека мокрую солому и сырое дерево для устройства навѣса и разведенія огня, я, промоченный насквозьъ, дрожа отъ холода и лихорадки, бродилъ по близости и искалъ себѣ хоть какого-нибудь ярова. Вѣдѣвшій виноградарь, у землянки котораго я постучался, уступилъ мнѣ свою убогую постель, и я съ восторгомъ бросился на нее будто на роскошное ложе...

На Линдау и Брегенцъ мы шли по берегу Воденскаго озера. Погода разгулилася; наступила пора сбора винограда; сладкаго, оживляющаго винограднаго сусла было вездѣ вдоволь... Поселяне казались довольно веселыми: бѣдствія войны не тронули ихъ. Правда, чистый осенній воздухъ не отлащался радостными звуками нѣмецкихъ пѣсень; за то наши кирасиры, утощенные новымъ виномъ, на славу отхвѣтывали лихія русскія пѣсни посреди горъ Гельвеціи...

Изъ лагеря подъ Линдау я былъ посланъ съ двумя сотнями казаковъ въ Хуръ, для возобновленія связи нашего отряда съ главными силами Суворова. Я нашелъ огорченнаго героя въ одной граубюденской деревушкѣ: окруженный частью своего штаба, онъ сидѣлъ на походномъ стулѣ. Привезенныя мною депеши принялъ не фельдмаршалъ, а адъютантъ его, Кушниковъ, который, вмѣстѣ съ статскимъ совѣтникомъ Фуксомъ

(секретарь Суверова), спросилъ меня о покоевнѣ дѣвъ въ корпусѣ Берсикова.

По соединеніи войскъ частей, армія двинулась обратно въ Швабію. Главная квартира расположилась въ Аугсбургѣ. На этомъ переходѣ особенно памятнымъ осталось для меня пребываніе въ аббатствѣ Бухау, въ городкѣ того же названія. Аббатство, имѣвшее степень имперской княгини, была графиня Стадионъ, величавая старушка дѣтъ шестидесяти. Ее окружали дамы изъ первѣйшихъ семей германской имперіи, между которыми были три графини Гохцоллернъ, графиня Кёнигсенъ, Трухессъ, Футгеръ. Все это образовывало владѣтельный дворецъ въ миниатюрѣ, съ гофмаршаломъ, камергерами и другими атрибутами. Аббатство имѣло даже войско; графиня-аббатиса сканивала мнѣ, что она выставляетъ для имперской арміи *шестъ* вѣдотидцевъ и *двухъ* конниковъ. Мирскими дѣлами владѣтельной игуменьи завѣдывалъ канцлеръ, человекъ умный и образованный. Изъ разговоровъ съ нимъ я узналъ, что аббатство Бухау основано сестрою Карла Великаго, Гильдегардою, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ супругъ ея и три сына пали въ бою съ венгерами. Гильдегарда была первою аббатисою, и похоронена здѣсь вмѣстѣ съ тѣми, въ память которымъ соорудила монастырь. По словамъ канцлера, всѣ эти извѣстія подтверждались подлинными документами. Внимая его рассказъ о девятомъ вѣкѣ съ невольнымъ трепетомъ, я переносился мыслями въ мою молодую, сравнительно, эстляндскую родину, о которой даже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ не вѣдали, кѣмъ она заселена: полными мышами и лягушками, или людьми. А вотъ przede мной во очю сидѣла графиня Стадионъ, предводительница нѣсколькихъ поколѣній игуменій, управлявшихъ обителью со временъ Гильдегарды, лежали въковыя карты, повѣдовавшія о сестрѣ Карла Великаго!

Въ окрестностяхъ Аугсбурга, часть деревни Мюльгаузенъ, гдѣ мы были расположены, занимали войска корпуса Конде, именно лейбъ-эскадронъ драгунскаго герцога Ангенскаго полка. Имъ командовалъ графъ Шарль Дама (впоследствии перъ Франціи и оберъ-камергеръ), а старшимъ по немъ былъ полковникъ баронъ Грюнштейнъ, тотъ самый, котораго, спустя нѣсколько лѣтъ, при знаменитомъ похищеніи герцога Ангенскаго, французскіе жандармы приняли за самого герцога. Къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ столько присутствія духа, чтобы оставить фран-

пузомъ въ этомъ заблужденіи. Тогда все событие, замѣшанное неожиданнымъ позоромъ Наполеона I, приняло бы другой оборотъ, потому что разстрѣлить Грошштейна Болоньяри едва ли успѣлся бы. Мы жили дружно и весело съ офицерами эскадрона арміи Конде, которыхъ было тридцать человекъ. Самъ герцогъ Ангенскій часто прѣзжалъ въ Мюльгаузенъ и принималъ участіе въ горѣ и радости своихъ офицеровъ. Радости были однако перевѣсъ надъ горестями: молодые, вѣтранные кавалеристы еще имѣли деньги и питали себя несбыточными надеждами. Когда въ деревнѣ намъ становилось тѣсно или скучно, мы отправлялись цѣлою кавальбадою въ Аугсбургъ, гдѣ военная колонія уже основала многіе игорные дома. Золото и серебро со всеусердїемъ пропускались черезъ периллы игры, и не одинъ изъ нашихъ кавалеристовъ, проигравъ боеваго коня, возвращался домой на наемной или взятой реквизиціоннымъ путемъ клячѣ.

Мы прожили въ Аугсбургѣ и въ его окрестностяхъ несколько недѣль и затѣмъ, согласно полученному маршруту, выступили въ Вогемію. Главная квартира расположилась въ Прагѣ, и мнѣ довелось провести здѣсь карнавалъ. Хотя австрійцы и съ неудовольствіемъ смотрѣли на наше возвращеніе въ предѣлы Россіи, однако это не мѣшало веселости баловъ, на которыхъ около трехъ красавиць, графиня Клямъ, Шлякъ и Коловратъ, увивался пѣвѣтъ нашего сѣвернаго дворянства: Милорадовичъ, Каменскій, Шепелевъ, Хитрово.

Свободное отъ службы и свѣтскихъ развлеченій время я проводилъ за игорнымъ столомъ. Въ Прагѣ играли тогда горячо; австрійцы и русскіе рѣзались на славу. Мнѣ частію везло. Въ деньгамъ, присланнымъ отцомъ, фортуна прибавила двѣ полновѣсныя кучки золота; я купилъ себѣ двухъ превосходныхъ коней и снарядилъ свое походное хозяйство съ тѣмъ славно-роскошнымъ блескомъ.

Въ Краковѣ начальство надъ отрядомъ принялъ генералъ Розенбергъ, а въ Врестѣ-Литовскомъ получено было приказаніе о расформированіи отряда и о распределеніи полковъ по назначеннымъ имъ кантонирь-квартирамъ. Здѣсь же я былъ обрадованъ вѣстію о производствѣ меня, за отличіе, въ майоры. Затѣмъ, чрезъ Вильну и Ригу, мы благополучно дошли до прежняго мѣста своей стоянки, до городка Валка, въ Ливондіи.

Послѣ счастливаго исхода, проведеннаго живого въ отпущену, среди родныхъ; я опять принялся за обученіе своего эскадрона, переведеннаго между тѣмъ, Т верствъ въ пятьдесятъ отъ Велна, въ болышое имѣніе Смилтены, помѣлаваніе, въ недавній прошлаго столѣтія; императрицею Елизаветою Петровною престарѣлому и заслуженному ирландцу, графу Георгію Броуну (Brown), люндскому генералъ-губернатору.

Однообразная жизнь послѣ только-что одѣланнаго далекаго похода начинала уже утомлять меня; какъ вдругъ политическій горизонтъ затуманился. Сень-джемскій кабинетъ не поладилъ съ с.-петербургскимъ; и намъ вѣрно было охранять берега Балтійскаго моря. Графъ Паленъ получилъ начальство надъ собранными, съ этою цѣлію, войсками; генералъ Воиновъ командовалъ легкими отрядами.

При движеніи въ мѣсту нашего назначенія, я имѣлъ случай видѣть имѣніе Лаудонъ, стоящее на мѣстѣ древняго замка, построенаго въ 1271 году архіепископомъ Юганномъ Луненовскимъ и разореннаго войсками царя Ивана Грознаго въ 1577 году. Впослѣдствіи, во время войнъ между поляками и шведами, здѣсь находился только деревянный блокгаузъ. Мнѣ любопытно было видѣть помѣстье Лаудонъ потому, что оно напоминало е знаменитомъ фельдмаршалѣ баронѣ Фрицѣ-Федерикѣ Лаудонѣ, предкѣ котораго. Отто Лаудонъ, еще въ 1432 году получилъ етѣ рижскаго архіепископа небольшой ленъ. Фельдмаршалъ родился въ 1716 году, въ своемъ родовомъ имѣствѣ; съвѣдательно, онъ чистый шведъ и нѣтъ причины искать корни его въ Англіи или въ Шотландіи, а вѣдѣтвіе того называть его Лоудономъ (Lowden), какъ это дѣлается въ Австріи.

Мы не долго стояли на берегу Балтійскаго моря. Правда, Нельсонъ уже принялъ съ многочисленнымъ флотомъ, но вступленіе на престолъ императора Александра прекратило размовку съ Англіей. Экспедиція англійскаго адмирала кончилась обѣдомъ, который давалъ, въ честь его, нашъ адмиралъ, Сидридовъ, въ Ревелѣ; и обѣдомъ, который Нельсонъ давалъ Сидридову на своемъ кораблѣ, на ревелскомъ рейдѣ.

Съ перемѣною царствованія послѣдовали перемѣны и въ арміи. Число кирасирскихъ полковъ было уменьшено; нашъ полкъ, воссвѣщій, послѣ отставки Нумзена, имя преемника его, генерала Воинова, попрежнему сталъ называться Стародубскимъ и обращенъ въ драгунскій. Въмѣсто кирась, колетовъ и

досланнымъ отъ насъ, мы получили вѣдныя частныя, дажи и
ружье со патронтаемъ. Мнѣ только оставили полка, были назначены
Вруцкій и Юрьевъ. Дерзиковской губернии...
... Два съ женою и дочкою...
Омлевскій, Новгородъ-Северскій и Стародубъ. Я скоро полу-
чилъ радужный доступъ въ перекъ дворянства, дома въ деревнѣ,
Марковина, Кокубенъ, Скоропадского; видѣлъ всю роскошную
обстановку жизни: генералъ-маршала графа Разумовскаго съ Бату-
рину, штаб-леяно-малороссійскимъ гарнизонамъ; въ обидѣ и въ
черноглазыхъ хохлушекъ; бывалъ подъ-часъ счастливъ... Три
не являете жизни въ насъ, была бы вѣло, однородно, если бы на
подмору он не являлось главное оживляющее средство: мы от-
цери, основали на советскихъ средствахъ кабинетъ для чтенія,
Нѣсколько ищивовъ книгъ было выписано изъ Лейпцига и Пе-
тербурга, и у насъ скоро сформировалась порядочная библиоте-
ка, замѣчавшая въ себѣ весьма дѣльные военныя и истори-
ческія сочиненія.

II.

1804—1809.

Выходъ въ отставку.—Женитба.—Путешествіе въ Вѣну.—Возвраще-
ніе въ Вѣну.—Орденъ св. Анны.—Аудіенція у Императора
Александра.

Три года прожилъ я въ Малороссіи. Четырехмѣсячный от-
пускъ на родину имѣлъ неожиданныя для меня послѣдствія;
личныя желаніе отца, я вышелъ въ отставку, женился, по
влеченію сердца, на графинѣ Наталіи Тизенгаузенъ, дочери
оберъ-гофмейстера, поселился въ Эстландіи и занялся сельскимъ
хозяйствомъ и охотою. На ближайшемъ же ландтагѣ меня вы-
брали рѣдкимъ депутатомъ дворянства; потому я былъ въ
бракѣ съ старшиною церквей уѣзда, и въ окончательной пер-
спективѣ мнѣ улыбалось званіе ландрата—высшая точка про-
фессиональнаго честолюбія. Но кипучая кровь, семейныя утраты
и невзгоды скоро увлекли меня на иное поприще.

Въ 1805 году разразилась военная гроза, кончившаяся Ау-
спердичемъ. Уже въ это время меня подстрекала мысль вновь
возвратиться къ военной службѣ, тѣмъ болѣе, что братъ мой жени-
лся, олицетворяя графъ Фердинандъ Тизенгаузенъ, былъ въ
тѣхъ-же Кюльбазѣ, съ женою, и я могъ воспользоваться благо-
приятнымъ случаемъ. Однако, себя моя отдалась въ нуждѣ

счастливый суарругъ, и, по примѣру многихъ угаламъ, войсковъ, отдыхать мирнымъ шакаремъ. Между тѣмъ, позднюю осень пришла печальная вѣсть о смерти моего шурина подъ Аустерлицемъ: графъ Фердинандъ Тизенгаузенъ скончался, въ критическій моментъ, зная одного колебавшагося полка и повелъ полкъ на непріятеля. Французскія пули положили его на мѣстѣ.

Въ 1808 году тяжкая болѣзнь жены и мое собственное разстроенное здоровье побудили меня предпринять путешествіе въ Италію черезъ Вѣну, гдѣ тогда жила знаменитый докторъ Франкъ.

Пребываніе въ Вѣнѣ началось для насъ надъ самыми благоприятными предзнаменованіями. Отъ тестя моего я имѣлъ рекомендательное письмо къ старинному его пріятелю графу Разумовскому; другія письма авели меня въ дома посланниковъ французскаго, графа Андреосси, вюртембергскаго, графа Берольдингена, баварскаго, графа Рейберга, и голландскаго, Гогелдорна. Такъ какъ въ то время не было въ Вѣнѣ русскаго посланника, то къ императорскому двору представилъ меня графъ Андреосси. Добродушный императоръ Францъ сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ; потомъ я видѣлъ эрцгерцоговъ, первыхъ сановниковъ и наконецъ познакомился съ остроумнымъ княземъ де Линемъ. Князь, по его собственному признанію, былъ много преданъ лифляндцамъ, ради ихъ знаменитаго земляка Лаудона, и потому просилъ меня смотрѣть на его домъ какъ на свой, какъ на одно изъ многихъ завоеваній фельдмаршала.

Насталъ 1809 годъ. Что случилось со мной въ теченіе этого года и какихъ событій я былъ свидѣтелемъ, о томъ скажутъ выдержки изъ моего дневника.

6-го мая. Сегодня я получилъ отъ Ангиста извѣщеніе, что бы я, какъ и всѣ другіе русскіе подданные, выѣхалъ изъ Вѣны. Однако, по причинѣ тяжелой болѣзни моей жены, мнѣ, вѣроятно, позволтъ остаться.

7-го мая. Мѣры, здѣсь принимаемыя, указываютъ на намѣреніе серьезно противиться непріятелю. Множество арестантъ работаютъ надъ укрѣпленіемъ города. На улицахъ страшная тѣснота, потому что двое городскихъ воротъ уже затеряны. Надѣются на соединеніе эрцгерцога съ Глазеромъ; тогда можно опасаться за Вѣну.

8-го мая. Съ большимъ трудомъ отыскалъ я себѣ квартиру въ домѣ на берегу Дуная; но едва перебрался, мы сюда изъ

гостиницы, какъ увидѣли невозможность оставаться здѣсь: подвалы подъ домомъ были наполнены пороховыми бочками; подъ окнами стояли пушки; домъ рядомъ быть сломать. Словомъ, передъ нами разыгрывалась прелюдия войны.

9-ю мая. Вчерашній адскій шумъ на улицахъ усилился и принялъ воинственный отпечатокъ. Части кавалеріи и пѣхоты торопливо слѣдовали черезъ городъ; за ними шли баталіоны жандармовъ; артиллерія и фурштатъ увеличивали суматоху. Я осматривалъ линію ретраншментовъ и испугался опустошеній, сдѣланныхъ въ Пратеръ для устройства засѣкъ. Весь вечеръ и всю ночь работы продолжались при свѣтѣ факеловъ. Прекрасный мостъ Франца сожженъ.

10-ю мая. На небѣ, сколько можетъ обнять глазъ, сплошное зарево. Густой дымъ, влѣво отъ насъ, показываетъ, что мостъ на Дунаѣ горитъ. Въ тотъ же моментъ послышались выстрѣлы. Говорятъ, что французы форсировали линію у Шенбрунна, что они уже овладѣли предместьемъ Маріягильфъ. Въ десять часовъ прибылъ парламентеръ съ завязанными глазами требовать сдачи города: на это предложеніе отвѣчали пушечными выстрѣлами... Площади и главныя улицы заняты войсками; обыватели вооружаются; всѣ спѣшатъ брать оружіе изъ арсенала... Въ три часа канонада возобновилась и продолжалась до семи часовъ. Дороговизна возрастаетъ; жизненные припасы стали вчетверо и впятеро дороже, да и то съ трудомъ можно достать ихъ. Волковъ убиваютъ на улицѣ, и покупатели оспариваютъ другъ у друга еще теплые куски мяса. Слуга мой заплатилъ червонецъ за два небольшихъ бѣлыхъ хлѣба. Думаютъ, что въ слѣдующую ночь начнется бомбардированіе.

11-ю мая. Ночь прошла тихо; но утромъ началась канонада. Вѣнцы приуныли. Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ эрцгерцога Карла, князь Алоизій Лихтенштейнъ, привезенный въ Вѣну раненымъ, полагаетъ, что эрцгерцогъ можетъ прибыть послѣ-завтра, следовательно до послѣ-завтра городъ долженъ держаться, но это будетъ стоить ему дорого. Канонада затихаетъ... Сегодня вступила сюда дивизія Кинжмайера. Люди необыкновенно изурнены и обременены; лошади же до того ослабли, что не въ состояніи вынести кампанию, если имъ не дадутъ отдыха... Превосходнѣйшая погода благопріятствуетъ обѣимъ воюющимъ сторонамъ. *Въ пять часовъ по полудни.* Въ полдень третьяго канонада у Каринтійскихъ воротъ возобновилась, впрочемъ не болѣе какъ на полчаса. По

улицамъ проскакала адъютантъ, кричавшій: „Гиллеръ проигралъ со своимъ отрядомъ“. Слова эти были покрыты радостными восклицаніями; обыватели опять ободрились, опять живутъ. Я видѣлъ авангардъ Гиллера, шесть гренадерскихъ баталіоновъ: люди молодцы, большею частію венгры. Они расположились на дворцовой площади. Къ сожалѣнію, баталіоны очень уменьшились: во всемъ корпусѣ Гиллера, вмѣсто 60,000 человекъ, не болѣе 20,000. *Позднѣйшая притиска.* Теперь десять часовъ и все спокойно. Ночь теплая; я отворилъ окно, вдыхалъ въ себя бальзамическій весенній воздухъ, смотрѣлъ на звѣздное небо и думалъ о неожиданныхъ испытаніяхъ, ниспосланныхъ на меня Богомъ. Вдругъ грянулъ пушечный выстрѣлъ; я обратился въ ту сторону, откуда несся гулъ, и... тррра! Подъ моими ногами разорвалась бомба; потомъ съ полдюжины бомбъ допудри въ воздухъ.... Я успѣвшилъ вывести мою больную жену въ сѣни со сподами; завязалъ въ уши повязки, отдалъ ихъ людямъ, чтобы, въ случаѣ пожара, бѣжать и спасти хоть что-нибудь, и затѣмъ, собравшись съ духомъ, сталъ ждать конца ужасной ночи. Выстрѣлы не прекращались ни на минуту. Когда бомба упала на крышу ближайшаго дома, черепица, камни и дерево обрушивались съ оглушающимъ трескомъ. Солдаты, еще за минуту передъ тѣмъ шумно и весело бадагурившіе на площади, попрятались въ выдавшіяся части домовъ и въ ниши, или прижались къ стѣнамъ.... Бывали минуты мертвой тишины, но эта тишина казалась поразительнымъ контрастомъ съ громовымъ гуломъ, раздававшимся сверху.... Вотъ поднялись густыя облака дыма, и четвертый домъ отъ насъ стоялъ уже въ яркомъ пламени... Опасность увеличивалась ежеминутно, потому что бомбы, направляемыя непріателемъ на башню св. Стефана, не долетали до цѣли, а ложились близъ нашего дома. Вскорѣ загорѣлось въѣво отъ насъ, потомъ позади, и мы оступились въ огненномъ кругу. Наконецъ, въ самомъ нашемъ домѣ раздались злобшіе крики: пожаръ! пожаръ! Въ это мгновеніе, я готовъ былъ лишиться разсудка: вывести изъ пылающаго дома тяжело-больную жену, которая не могла слышать и двадцати шаговъ, блуждать по улицамъ, подъ градомъ снарядовъ, и тщетно ожидать безопаснаго убѣжища—это было ужаснѣйшій моментъ въ моей жизни!.. Къ счастью, тревога оказалась ложною; дождь налуночи, выстрѣлы стали слышаться рѣже; говорили, что гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и отбѣснѣлъ непріятеля. Вскорѣ сол-

накѣ загремѣтъ въ воздухъ адскій грохотъ и не умолкалъ до трехъ часовъ утра.

12-ю мая. Пробужденіе послѣ такой ночи было невыразимо-тяжело. На улицахъ пусто; въ домѣ все верхъ-дномъ.... Говорятъ, что городъ не сдастся; стало быть, насъ ожидаетъ повтореніе пережитыхъ нами сценъ.... Сейчасъ возвратился съ осмотра улицъ. Провидѣніе видимо сохранило насъ: кругомъ все опустошено; уцѣляли лишь немногіе дома, въ томъ числѣ и нашъ. Остальная часть города не пострадала. Говорятъ о капитуляціи; я не вѣрю. Ее нельзя заключить безъ эрцгерцога Карла, который придетъ только завтра. Съ одиннадцати часовъ слышна въ линіи сильная канонада; Гиллеръ съѣздитъ туда со своимъ корпусомъ; думаютъ, что эрцгерцогъ Карлъ дерется съ французами; достовернаго однако ничего неизвѣстно. Въ городѣ теперь только ландштурмъ; войска и милиція выступили. Пожаръ потушенъ не вездѣ; пламя вспыхиваетъ еще на валахъ. Только что мы сѣли за столъ, какъ возобновилась канонада.... *Вечеромъ, въ семь часовъ.* Капитуляція заключена; не знаютъ только къмъ. Наполеонъ холодно принялъ городскихъ депутатовъ и, когда они не тотчасъ согласились на его требованія, погрозилъ превратить Вѣну въ груду развалинъ... Дѣйствительно, въ окрестностяхъ Пратера, онъ форсировалъ переправу черезъ рукавъ Дуная и приблизился къ городу съ этой стороны. Эрцгерцогъ Максимилианъ еще ночью выступилъ изъ Вѣны съ 40,000 войска, бросивъ столицу на произволь судьбы; стало быть, не оставалось ничего иного какъ заключить капитуляцію. Завтра, въ девять часовъ, французы занимаютъ городскія ворота. Наполеонъ въ Шенбруннѣ и настоялъ на томъ, чтобы архиепископъ и графъ Цинцендорфъ были въ числѣ депутатовъ.... Выходилъ я на улицу посмотреть, каково настроеніе умовъ въ народѣ: всѣ лица выражаютъ отчаяніе. На дворцовой площади встрѣтилъ французскаго парламентаря, сопровождаемаго двумя австрійскими офицерами. Что онъ принесъ, неизвѣстно; но, конечно, эту ночь мы проведемъ спокойно. Здѣсь не знали, что французы еще вчера переправились черезъ Дунай: на бастионѣ Стефана не было наблюдательнаго поста!... Въ эту минуту обезоруживаютъ народъ; оставшіеся милиціонеры умоляютъ дать имъ гражданское платье, чтобы не попасть въ позорный плѣнъ. Негодуютъ, что эрцгерцогъ Максимилианъ ушелъ въ минуту опасности; вѣроятно, онъ имѣлъ на то свой

причины. Объ арцгерцога Карла не слышать ничего; но простолудины продолжают говорить о немъ съ восторгомъ, прибавляя: „былъ бы онъ здѣсь, не приключилось бы никакой бѣды“. По слухамъ, Наполеонъ сказалъ депутатамъ: „D'ou avez vous pris la ridicule présomption de croire que Vienne soit tenable, quand les faubourgs une fois sont occupés?“ („Откуда взялась у васъ смѣшная самонадѣянность, что Вѣна можетъ держаться, когда предместья взяты?“)

13-го мая. Въ девять часовъ отворяются французамъ ворота. Оружіе сносится въ арсеналъ; кавалеристы продаютъ своихъ лошадей первому встречному за безцѣнокъ, лишь бы не достались неприятелю. Я ходилъ смотрѣть на вступленіе французовъ; видѣлъ сначала команду артиллеристовъ, направлявшихся въ арсеналу; потомъ роту гренадеровъ, назначенную занимать караулы во дворцѣ; наконецъ пѣвую бригаду корпуса Удино. Выправка людей хороша; одѣты опрятно; усталости не замѣтно. Андреосси назначенъ губернаторомъ Вѣны. Этимъ довольны, въ надеждѣ, что онъ пощадитъ городъ. Части пѣхоты и кавалеріи вступили во все ворота одновременно. Видно, что люди привыкли занимать чужіе города. Я нашелъ въ кофейнѣ двухъ гренадеровъ, играющихъ на биліардѣ, когда войска еще не вступали. Солдатъ рейнскаго союза въ городѣ нѣтъ; только офицеры показываются тамъ и сямъ; но французы обращаются съ ними пренебрежительно, почти надменно. Вотъ что Наполеонъ сказалъ депутатамъ:

— „On vous en a imposé en disant, que j'ai demandé Trieste et Fiume. Je ne fais la guerre qu'à l'empereur et à l'archiduc Charles, je ne veux rien du peuple. Il aurait mieux valu à l'archiduc Charles de persister dans ses sentiments de ne pas faire la guerre, car il a manoeuvré comme un écolier et a pis fait que Mack. Il est surprenant que vous voulez faire la guerre, quand il vous manque des généraux. A present la dynastie a cessé de régner, dusse-je faire la guerre cinquante ans. J'ai voulu être bien avec votre maître, puisque j'aurais été charmé de savoir une forte puissance entre moi et la Russie, mais il n'en a su profiter. Il est bien surprenant que vous avez voulu vous défendre à Vienne et qu'au moment du danger l'archiduc Maximilien vous ait quitté comme un cochon“. (Васъ обманули, сказавъ, будто я требовалъ Триеста и Фиуме. Я веду войну только съ императоромъ и съ арцгерцогомъ Карломъ, а отъ народа не хочу ничего. Эрцгерцогъ Карлъ

поступилъ бы благоразумнѣе, если бы не начиналъ войны; онъ маневрировалъ какъ школьникъ и сдѣлалъ хуже чѣмъ Макетъ. Удивляюсь, что вы хотите вести войну, не имѣя генераловъ. Теперь династія перестала царствовать, хотя бы мнѣ пришлось воцариться пятьдесятъ лѣтъ. Я хотѣлъ жить въ ладахъ съ вашимъ государемъ, потому что мнѣ было бы очень пріятно имѣть сильную державу между мною и Россіей; но онъ не умѣлъ воспользоваться этимъ. Удивительно, что вы вздумали обороняться въ Вьенѣ и что въ минуту опасности эрцгерцогъ Максимилианъ оставилъ васъ какъ трусъ.“) Къ архіепископу Наполеонъ обратился съ слѣдующими словами: „Pourquoi est-ce que vous n'avez pas mieux élevé votre empereur? Voilà comme vous êtes vous autres! Lèvez-vous la tête et laissez-là l'attitude d'un hypocrite.... Vous êtes aussi pour le pape, je le sais.“) „Зачѣмъ вы не воспитали лучше вашего императора? Вотъ каковы вы всѣ! Поднимите же голову и перестаньте фарисействовать... Вы тоже за папу, я знаю.“) Это образчикъ обычнаго краснорѣчія Наполеона, когда онъ былъ полонъ воспоминаніями о своей исходной точкѣ....

14-го мая... На высотахъ передъ Шенбрунномъ, куда я отправился сегодня утромъ, собрано было много пѣхоты и кавалеріи, готовыхъ къ выступленію въ Венгрію. Въ самомъ Шенбрунѣ я остановился передъ желѣзными рѣшетчатыми воротами и увидѣлъ на обширномъ дворѣ французскую гвардію подъ ружьемъ. Ожидали выхода Наполеона. Съ офицерами, стоявшими вѣдъ двора, я скоро вступилъ въ разговоръ, сказавъ имъ, что я русский офицеръ. Многие изъ нихъ дѣлали прусско-русскую кампанію, и разговоръ не было конца. На вопросъ мой: какъ дрались баварскія и другія нѣмецкія войска, мнѣ отвѣчали: „eh! le petit sergent les fait bien aller en avant; il sait son métier (“О! маленькій капралъ умѣетъ двигать ихъ впередъ: онъ знаетъ свое дѣло!“). Между тѣмъ, загремѣли барабаны, заиграли музыка; Наполеонъ спустился съ параднаго крыльца и произвелъ обычный смотръ. Онъ былъ въ гвардейскомъ мундирѣ и имѣлъ, какъ и всѣ офицеры гвардіи, сапоги съ отворотами и много размахивалъ руками. Истинный итальянецъ! Когда войска прошли мимо его, онъ проворно взбѣжалъ по лѣстницѣ и исчезъ.... Тамъ довелось мнѣ видѣть грознаго сѣраго челоуѣка, который, въ сознаніи своего изумительно-демонскаго превосходства и подъ вліяніемъ болѣзненной, никогда не успокоиваю-

пейся первой раздражительности, и враскорь востокъ и западъ.

15-го мая. Бедилъ въ Прасерто Катя поумошено, и изуров довано это оварователное мѣсто. Пальми приади, терьявша воронами, вадяются замъ, гдѣ еще Недавно стояли веселые кафе-рестораны. Вмѣсто ряда щегольскихъ экипажей съ оварователными, вѣянками, результають тѣдасы виведерочъ. Будеть ли столица Австрии опять тѣмъ же, бѣмъ была? Сего дня появилса первый дневной приказъ ити Шенбрунна. Онъ не произвелъ въ народѣ впечатлѣнй; самцамъ тѣмъ гѣбса да здравствуетъ надъ Францъ. Вслѣдъ заставъ губернаторъ обнародовалъ первое повѣдѣнне о, огачь въ арсеналахъ всакаго оружя, даже невоеннаго, подъ опасенемъ быть разорѣнными. Мѣра необходимая; и опасалса вичиоуишь вѣчерень. Вса улицы наполнены французскими солдатами, подъ оруку съ тѣмъ зетками.

16-го мая. Мнѣ дали знать, что дача, внаятя мною съ предмѣсть Гитцингъ, занята французами и овароваша. Я пожелалъ убѣдиться въ томъ собственными глазами; десри бѣмъ выломаны; зеркала и овра разбиты; звыспалнѣмъ жѣны бочка съ виномъ; въ саду лошади; на дворѣ большой котелъ, огонь котораго поддерживалса разломанною мебелью и срубленными плодовыми деревьями. Все это было вѣдомъ рукъ чваръ дейскихъ гренадероъ, драгуноъ и польскихъ уланоъ. Съм стѣсненнымъ отъ горя сердцемъ возвратилса я въ веродъ и поѣхалъ къ Андреосси, который живетъ во дворцѣ. Мнѣ совѣтъ вали, пользуясь моимъ съ нимъ авабмствомъ, попросить съ выводъ постоя изъ дачи и о выдачѣ охранао шиса. Въ одачъ нацать часовъ я нашель прѣмныя комнаты губернатора, вполнеными военныхъ и просидедей и, конечно, вкверитое бы нѣ оварпей толпѣ, если бы меня не замѣтилъ намердинеръ гбнера, и не сказалъ обо мнѣ адъютанту. Вслѣдствѣ атого, два шотчиса же отвели въ особую комнату и доосилили губернатору. Дня Андреосси приналъ меня въ своемъ кабинетѣ, ласково и прѣмны всего освѣдомилса о здоровьѣ моей жены. Тогда я передаваль ему мою просьбу. Онъ полагаалъ небезопасными жить посреди военныхъ тревогъ, на дачѣ; совѣтовалъ взять намъ съ женою дней терцѣнй, а покѣмъ прѣдсказать мѣя въ обиду. Я прѣхалъ въ назначенное время, и въ половинѣ встали мѣмъ слѣзъ за столъ Андреосси, послѣдний мѣя возлъ себя, амедо новаго

диль, о чѣмъ въ общемъ обществѣ и о всакомъ зимнемъ сезонѣ. По-
тому, зашла рѣчь о востоящей войнѣ. Генераль Лагранжъ и
подполковникъ Сень-Сиръ; бывшіе подъ Сарагоссою, называли
все, случившееся, подъ Вьною пущиками и удивлялись, почему
эрцгерцогъ не завязалъ съ нами серьезнаго боя въ Баваріи.
Когда же я упоминалъ о сраженіи при Регенсбургѣ, Сень-Сиръ
воскликнулъ: „О, это было стыдно!“ Лагранжъ, который коман-
довалъ кавалеріей, подъ Гайльсбергомъ и былъ здѣсь раненъ,
назвалъ это дѣло сандарокадою Мурата. Онъ очень хвалилъ
русскую кавалерію. Объ испанской арміи отозвался такъ: „ма-
дарируется дурно; дерется хорошо; солдаты все храбры и
большою частію отличныя стрѣлки“. — Про англичанъ Лагранжъ
сказалъ, „Эго львы; такими я видѣлъ ихъ подъ Фрунзею“.
Андреевскіе заняты невѣроятно; докрайней мѣры шесть разъ
вставалъ онъ изъ-за стола и получилъ во время обѣда два пись-
менныхъ приказания Наполеона. Мы, господа, собрались въ тѣхъ
самыхъ комнатахъ, гдѣ я еще недавно былъ представителемъ чле-
намъ императорской фамилии; обѣдали на столонномъ сервизѣ
императора Франца и намъ прислуживали всего намеръ лакеи.
Поразительный контрастъ! Не дѣлше жажиза шесть недѣль я
видѣлъ императрицу и ея блестящій дворъ, со всеми условіями
стариннаго этикета; замечала благодарнаго скромнаго эрц-
герцоговъ, дивился спѣси высшаго дворянства, надутаго испан-
скими традиціями. А теперь такая картина передо мною! Ширь
представителей кордебатліи, въ немногихъ исключеніями вовсе
не стѣснявшихъ своей свободы; бряцали сабли, звенѣли шпоры,
парадные паркетъ, закручивались смоченные виномъ усы;
разсказывались уличные и земные анекдоты о гризеткахъ
и о танцовщицахъ.... Наполеонъ уѣхалъ изъ Шенбрунна,
неизвѣстно куда. Многія французскія войска выгнаны въ
Венгрію; австрійская армія на лѣвомъ берегу Дуная, близъ
города....

17-го мая. Вечеромъ посѣтилъ меня Беркегеймъ, полковникъ
1-го французскаго кирасирскаго полка, мой старый знакомый.
Онъ признался, что французы теперь грабятъ вездѣ, куда только
ни приходятъ, и что на это смотрятъ сквозь пальцы, желая под-
держивать въ солдатахъ войнѣлюбіе. Вчера, говорятъ, Напо-
леонъ спреспилъ Цинцендорфа, (австрійскаго министра внутрен-
нихъ дѣлъ): „dites-moi, comment finira tout cela? je n'y
comprends rien!“ („Скажите, чѣмъ все это кончится? Я тутъ ничего

не понимаю!“— „Sire, j'espère à l'aimable“ („надѣюсь, государь, что все кончится мирною), отвѣчалъ графъ. Наполеонъ, улыбувшись, отвернулся... Третьягодня прѣхалъ въ Шенбрунъ изъ Петербурга ротмистръ Чернышевъ и былъ принятъ Наполеономъ весьма предупредительно.

18-го мая. Вечеромъ видѣлся съ молодымъ д'Аспромъ (*), который былъ посланъ въ качествѣ парламентаря къ Наполеону, а какъ Наполеонъ готовится къ военнымъ дѣйствіямъ, то Аспру не позволили воротиться въ армию. Хотя д'Аспръ и сознается, что при австрійской арміи надѣланы злополучные промахи, однако не сомнѣвается, что все можетъ быть поправлено, и надѣется, что эрцгерцогъ Карлъ уже соединился съ Шастелеромъ.—Наполеонъ въ Эберсдорфѣ. Удино, со своею гренадерскою дивизіей, выступилъ сегодня; на мѣсто его вступила дивизія Фриана.

19-го мая. Движеніе войскъ продолжалось всю ночь. Со вчерашняго дня никого не пускаютъ на башню св. Стефана; тамъ поселились французскіе инженерные офицеры и наблюдаютъ отсюда за австрійцами. Жизненные припасы дорожаютъ. Мяса уже нельзя имѣть столько, сколько желаетъ, а лишь половину.—Въ десять часовъ я хотѣлъ ѣхать въ Эберсдорфъ, но французы захватили всѣ коляски и всѣхъ лошадей. Вообще реквизиціи дошли до послѣдняго предѣла. Здѣсь есть дома, въ которыхъ ностой обходится отъ пяти до шестисотъ гульденовъ ежедневно, напримѣръ домъ князя Любковича, въ которомъ хозяйничаетъ Массена. Такую же тяжкую повинность несутъ дома Кинскаго, Лихтенштейна, герцога Альберта. Одинъ молодой принцъ Гессенъ-Дармигтадтскій платитъ за все имъ забираемое.

20-го мая. Сегодня, отъ времени до времени, слышались пушечные и ружейные выстрѣлы; но гдѣ дрались, я не узналъ. Ежедневно прибываютъ транспорты раненыхъ; лазареты переполняются и въ воздухъ уже носится тяжелый запахъ разлагающейся крови, хорошо знакомый боевымъ военнымъ людямъ.

21-го мая. Въ одиннадцать часовъ я выходилъ смотрѣть на дворцовой площади парадъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ баталіоновъ, образовавшихъ каре. Въ то время, когда люди стояли ружье у ноги, нѣкоторые читали газеты, другіе балагурили;

(*) Впослѣдствіи генералъ-фельдцейхмейстеръ и главный виновникъ пробы Радельцаго при Новарѣ.

но лишь только загремѣлъ барабанъ, всѣ, безъ суеты и суматохи, построились и исполнили движенія хорошо. — Иавѣстiя изъ австрiйской армiи, грозныя приготовленiя непрiятели, неминуемый упорный бой, все это распространяеть здѣсь унынiе. Слышатся однако и утѣшительныя вѣсти, подобныя слѣдующимъ: „сегодня у французовъ опять потопили мостъ: это уже четвертый“. Эрцгерцогъ Карлъ прислалъ Вiннъ въ подарокъ 750 воловъ. — Канонада сегодня не умолкала, и я взобрался на одну колокольню, откуда ясно разсмотрѣлъ расположенiе австрiйской армiи по обѣимъ сторонамъ дороги въ Моравiю. Къ австрiйцамъ подходила многочисленная артиллерiя, вѣроятно для того, чтобы взять французовъ въ тылъ. Канонада такъ сильна, что бой не можетъ не быть серьезнымъ.

Съ 22-го по 27-е мая. Шесть дней пролежалъ въ постели, ничего не видалъ, а слышалъ только шумъ на улицѣ, стукъ ружейныхъ прикладовъ о мостовую, трескотню барабановъ и пронзительный визгъ олеитъ... Сегодня, 27-го числа, узналъ кое-что. Австрiйцы одержали успѣхъ, выиграли даже сраженiе (при Аспернѣ). Двадцать тысячъ раненыхъ французовъ лежатъ въ городѣ и въ предмѣстьѣ. — Сейчасъ былъ у меня полковникъ Бергеймъ: онъ говоритъ, что никогда не переживалъ болѣе жаркаго дня. Полкъ его истребленъ на половину; 18 офицеровъ ранены тяжело, 6 убиты. Наполеонъ притягиваетъ къ себѣ итальянскую армiю и замышляетъ что-то новое. Между тѣмъ, эрцгерцогъ теряетъ время, да и приобретенными выгодами онъ, говорятъ, далеко не воспользовался.

28-го—29-го мая. Встрѣтилъ камергера Монтекиу, котораго видалъ еще въ Россiи и который тотчасъ узналъ меня. Онъ теперь адъютантъ Наполеона. Я поздравилъ его съ избавленiемъ отъ смерти въ кровавый день 22-го мая. — „Да, отвѣчалъ Монтекиу: это счастье: было слишкомъ много шансовъ проглотить желѣзную или свинцовую пилюлю. Австрiйцы не умѣютъ иначе драться, какъ укрѣпившись отсюда и прикрываясь четырьмя стами огненныхъ жерлъ.“ А по моему все равно, какъ ни драться: лишь бы побѣдить. Что австрiйцы на этотъ разъ побѣдили, о томъ свидѣтельствуетъ досада, съ которою французы говорятъ о сраженiи. — Между тѣмъ, движенiе войскъ продолжается въ большихъ размѣрахъ и готовится новая переправа черезъ Дунай.

1-го июня. Мимо моихъ оконъ прослѣдовали огромные трай-

спорты артиллеріи въ Карингійскомъ воротѣхъ. Вчера мостъ былъ конченъ; онъ охраняется 1,200 гвардейскихъ матросовъ, сформированныхъ въ небольшую флотилію. — Вчера умеръ маршалъ Давидъ; императоръ, сказываютъ, очень огорченъ.

Оканчиваю извлеченія изъ моего дневника вмѣстѣ со смертію жены моей, и возвращаюсь къ историческому изложенію событій.

Между друзьями и пріятелями, навѣщавшими меня, пріѣхалъ ко мнѣ, разъ утромъ, изъ Шенбрунна, князь Павелъ Гагаринъ. Еще за пятнадцать лѣтъ мы подружались въ Гродно, когда онъ служилъ при князѣ Репнинѣ. Впослѣдствіи, женившись на Лопухиной, онъ возвысился быстро и былъ теперь генералъ-адъютантъ, присланный императоромъ Александромъ въ главную квартиру Наполеона. Гагаринъ предложилъ мнѣ соучаствовать ему, по случаю ожидаемыхъ военныхъ дѣйствій, въ главную квартиру французской арміи и, такимъ образомъ, принять участіе въ предстоящихъ событіяхъ. Подобное предложеніе вполнѣ отвѣчало моимъ склонностямъ, тѣмъ болѣе теперь, когда мною овладѣла несносная тоска. Къ намъ присоединился графъ Виттъ, пріѣхавшій изъ Бадена.

Рано утромъ, 5-го іюля, отправились мы въ главную квартиру въ Кайзерс-Эберсдорфъ, чтобы присутствовать при переправѣ черезъ Дунай и при одномъ изъ достопамятѣйшихъ сраженій новыхъ временъ на Марховомъ полѣ (Marchfeldt). Походныя палатки Наполеона уже нѣсколько дней были разбиты на островѣ Лобау, и онъ выѣхалъ туда. Въ Эберсдорфѣ, несмотря на всю суматоху, князь Гагаринъ успѣлъ добыть роскошный завтракъ изъ императорскихъ запасовъ и добра французскія вина. Освѣжившись и подкрѣпившись, мы продолжали путь на Лобау, а оттуда на лѣвый берегъ Дуная. Какихъ войскъ мы не нашли здѣсь! Кромѣ французовъ, тутъ были португальцы, саксонцы, вюртембергцы, баварцы, корпусъ изъ Далмаціи, армія вице-короля итальянскаго.

Переправа началась ночью (на 5-е іюля) и все еще продолжалась. Ночь была такая бурная, такая дождливая, какой не запомнили и самые старые солдаты; тѣмъ не менѣе, заведенная и пущенная въ ходъ машина дѣйствовала: слишкомъ семьдесятъ орудій гремѣли по направленію на Эслингъ, и при свистѣ вѣтра, подъ проливнымъ дождемъ наведены были мосты

черезъ рукавъ Дуная между Энперсдорфомъ и Мюллерейеномъ. Рано утромъ переправились сорокъ тысячъ человекъ; за ними слѣдовали непрерывною цѣпью густыя массы. На разсвѣтъ бой уже кипѣлъ съ разныхъ сторонъ: въ семь часовъ были обойдены укрѣпленія къ Лобау; въ восемь палъ Энперсдорфъ, храбро обороняемый: Нордманнъ и Кленау, командовавшіе австрійскими авангардами, принуждены были, отбиваясь, отступить на главные силы. Когда мы въ толпѣ благополучно переправились, я искалъ глазами того, кто былъ душою всего. Вотъ онъ пріѣхалъ серьезный, молчаливый, но веселый.... То, что онъ увидѣлъ, должно было доставить ему удовольствіе: переправа удалась; повсюду господствовалъ примѣрный порядокъ; необозримыя массы направлялись его волею, будто нитью. Поразительно было смотрѣть на его спокойное лицо посреди многихъ другихъ лицъ, отражавшихъ на себѣ душевную тревогу. Воплощенная, твердая мысль! Когда онъ начиналъ говорить и жестулировать (я могъ только видѣть, но не слышать), и когда, при этомъ, лицо его оставалось почти неподвижнымъ, въ головѣ моей невольно мелькнуло сравненіе: онъ казался мнѣ отважнымъ, рѣшительнымъ игрокомъ, который, владея неистощимыми денежными средствами, думаетъ: „послѣдняя ставка все-таки моя, а съ нею и выигрышь; промежуточный проигрышъ—не проигрышъ“. Такая мысль, повидимому, ясно высказывалась на его невозмутимо-спокойномъ лицѣ.

Адъютанты летали взадъ и впередъ; пріѣхали также Даву и Массена, послѣдній, по причинѣ паденія съ лошади, въ открытой коляскѣ. Наполеонъ договорилъ съ ними нѣсколько минутъ, послѣ чего они поспѣшили обратно. Наконецъ и онъ самъ ускакалъ галопомъ, въ сопровожденіи одного Бертье и двухъ берейторовъ, чтобы обозрѣть позиціи своего войска и распорядиться дальнѣйшими движеніями. Главная квартира, подъ начальствомъ Дюрока, осталась. Кромѣ министровъ Шампаньи, Маре и Дарю, къ ней принадлежали ординарцы императора, офицеры главнаго штаба и адъютанты Бертье. Это были цвѣтъ французской молодежи: между ними были Монтескю, Флаго, Канувилли, Уденарды, Монморы, Пурталесы, Марбефы, Перигоры, Тюренни, Мортемары, поляки: Хлаповскій, Красинскій, Лубенскій и много другихъ. Конвоемъ служили отборные жандармы, подъ начальствомъ Савари, эскадронъ конно-гренадеровъ и эскадронъ конно-егерей.

Недалеко отъ Энциердорфа взобрался я, вмѣстѣ съ другими, на высокія стѣны сгорѣвшаго незадолго передъ тѣмъ дома и съ развалинъ, мѣстами еще дымившихся, слѣдилъ за массами, которыя устремлялись къ сѣверу и къ западу, а поодаль видѣлъ образчики атаки и обороны. Здѣсь князь Гагаринъ представилъ меня государственному секретарю Марэ. Онъ любезно вспомнилъ, что знавалъ родственника моего, дипломата Левенштерна фонъ-Вольмарсгофа, и съ участіемъ говоритъ о графѣ Бреѣ и женѣ его, урожденной Левенштернъ, съ которыми часто видался въ Берлинѣ. Но разговоръ мой съ Марэ имѣлъ и матеріальную, весьма приятную сторону: когда мы спустились со стѣнъ обгорѣвшаго дома, день уже склонялся къ концу, а на пустынномъ полѣ нечего было и думать о подкрѣпленіи себя пищею. Марэ отвелъ меня поодаль, подалъ мнѣ фляжку съ ремомъ и кусочекъ блага хлѣба и сказалъ, что „раздѣлять со мною скудную трапезу незамѣтно отъ другихъ, такъ какъ всѣхъ удовлетворить нельзя“. Въ этомъ и состоялъ весь мой обѣдъ, показавшійся мнѣ вкуснѣе котлетъ à la Financière, съ бургонскимъ, которыми мы лакомились утромъ въ Эберсдорфѣ.

Между тѣмъ, въ главную квартиру пришло приказаніе слѣдовать за императоромъ. Это означало побѣду и дальнѣйшее наступленіе. Графъ Виттъ далъ мнѣ рѣзвато черкесскаго коня, и я послѣдовалъ за поднявшеюся толпою. Мы застали Наполеона на плато, неподалеку отъ Рапсдорфа: онъ уже сошелъ съ коня, держалъ руки за спиною и смотрѣлъ вдаль. На разстояніи полутора или двухъ пушечныхъ выстрѣловъ двигались массы, за ними опять массы. Машина была заведена, пущена въ ходъ; мастеръ стоялъ, ожидая конца ея дѣйствія. Когда онъ не смотрѣлъ въ подозрную трубу, то срывалъ травку или цвѣтокъ, обцѣпывалъ листочки или нюхалъ табакъ; потомъ опять закладывалъ руки за спину. Такимъ видѣлъ я его въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, пока не получены были новыя донесенія, имѣвшія послѣдствіемъ новыя движенія. Вечерняя атака на австрійскую позицію по ту сторону Русбаха, у Баумерсдорфа и Ваграма, не удалась. Канонада постепенно затихала; ночь становилась все темнѣе и темнѣе, озаряемая лишь безконечнымъ рядомъ бивуачныхъ костровъ и пылавшими вдали деревьями. Въ темнотѣ дѣло не обошлось безъ суматохи; наталкивались другъ на друга, кричали и тщетно отыскивали знакомыхъ. Всякій изъ принадлежавшихъ къ главной квартирѣ ду-

иметь только о томъ, гдѣ бы провести ночь. Гагаринъ, Виттъ, полковникъ Горгой и я, вмѣстѣ со штабмейстеромъ Наполеона Каници, все мы поспѣшили въ Эберсдорфъ, что представляло не мало опасностей и затрудненій, такъ какъ трудно было на обширномъ Марховомъ полѣ отыскать возвратный путь; на островъ Лобау было уже лучше: все проложенныя здѣсь Французами дороги освѣщались фонарями на столбахъ. Князь Гагаринъ унаѣ вмѣстѣ съ лошадыю и по причинѣ сильнаго ушиба уѣхалъ въ Вѣну; мы же остались въ Эберсдорфѣ и, какъ русскіе, нашли радушный приемъ въ императорской главной квартирѣ.

Послѣ кратковременнаго отдыха, подкрѣпившись пищею, возвратились мы, въ исторически-знаменательный день 6-го июля, на мѣсто сраженія. Взявъ здѣсь слишкомъ много вправо, мы не нашли императора, но наткнулись на корпусъ Даву, который въ этотъ моментъ начиналъ свои обходныя движенія вокругъ лѣваго австрійскаго фланга. Усилія обѣихъ сражавшихся сторонъ представляли любопытное и поучительное зрѣлище; но какъ мы хотѣли быть вблизи рѣшителя спора, могучаго Агамемнона ополченій Европы, то и поскакали влѣво, отыскивать Наполеона. Онъ только-что возстановилъ колебавшійся бой, послѣ того какъ энергическая атака австрійцевъ сломила саксонцевъ, предводимыхъ Бернадотомъ, и отбросила войска Массены до Адлерклаа. Тутъ обнаружился разительный контрастъ между тактическимъ методомъ Наполеона и его противника. Эрцгерцогъ Карлъ, сдѣлавшій первые свои походы при началѣ революціонныхъ войнъ, усвоилъ себѣ тогдашній способъ далекихъ обходовъ и, несмотря на то, что именно потому былъ разбитъ при Регенсбургѣ, хотѣлъ и теперь, будучи слабѣе Наполеона, охватить его съ двухъ сторонъ. Слѣва обходъ долженъ былъ исполнить эрцгерцогъ Іоаннъ, ожидаемый изъ Пресбурга; справа онъ двинулъ почти половину своей арміи, корпуса Кленау и Коловрата, съ большею частію резервовъ князя Лихтенштейна, по далекой дугѣ противъ лѣваго фланга и тыла французовъ, въ направленіи между Врейтенлеэ и Асперномъ. При столь непомерной растянутости силъ, тѣмъ болѣе нераціональной, что эрцгерцогъ Карлъ былъ слабѣйшимъ, резервовъ не осталось нигдѣ и разъединенныя линіи австрійцевъ подвергались опасности быть прорванными вездѣ, гдѣ бы ни пожелалъ противникъ. Наполеонъ же поступилъ

здѣсь, какъ и при Регенсбургѣ, наберетъ мочь сосредоточивъ свои главные силы около Рапдорфа, готовый устремить ихъ доврамя на решительный прорывъ. Были собраны не только гвардейскія полки, но также корпусъ Массены и Мармона и армія вице-короля итальянскаго. При этомъ Наполеонъ имѣлъ въ виду двѣ дѣли: во-первыхъ, отрѣзать непріятельскую армію отъ Венгрии и отъ ожидаемыхъ отсюда подкрѣпленій — эта задача была возложена на Даву, значительно подкрѣпленнаго для того, чтобы обойти и отбросить лѣвый флангъ австрійцевъ у Маркграфъ-Нейзиделя; вторая, цѣль Наполеона, состояла въ томъ, чтобы прорвать растянутую армію эрцгерцога Карла, послѣ чего ему легко было управиться съ ея отдѣльными частями. Желая прежде всего остановить быстрые успѣхи правого австрійскаго фланга, угрожающаго отрѣзать его отъ Лобау, Наполеонъ выдвинулъ противъ него корпусъ Массены, а затѣмъ, когда удалась атака Даву, распорядился прорвать непріятельскую линію. Громадная масса, сосредоточенная предъ Рапдорфомъ и около этой деревни, повернуть въправо, и по ея командѣ, перемѣну фронта, послѣ чего онъ приказалъ Макдональду построить дивизіи Дамарка и Брюссе въ колонны къ атакѣ. Вице-король съ остальною частью итальянской арміи, баварцы Вреде и молодая гвардія должны были, послѣдовавъ этому движенію, поддержать ихъ. Бессьеръ съ кирасирами Нансути и легко-конными гвардейцами, имѣлъ назначеніемъ задерживать и занимать между тѣмъ австрійцевъ. Самъ Наполеонъ устремилъ все свое вниманіе на Маркграфъ-Нейзидель. Лишь только колонны Даву выдвинулись отсюда, онъ подскакалъ къ гвардейской артиллеріи и скомандовалъ: „*Toute l'artillerie de la garde en avant!*“ („вся гвардейская артиллерія вперед!“). Тутъ я убѣдился собственными глазами, какъ несправедливо упрекали Наполеона въ недостатокъ личнаго мужества. Въ тотъ моментъ, когда онъ выдвинулъ всѣ шестьдесятъ орудій гвардейской артиллеріи, подъ начальствомъ Друо и Дабовиля, и сталъ распорядиться ихъ расположеніемъ, онъ долго подвергался жестокому огню австрійцевъ. Проявляя истинное мужество полководца, онъ смѣло устремился всюду, откуда могъ хорошо наблюдать, быть вполне занятъ, какъ и слѣдовало руководителю большихъ массъ, своимъ предметомъ и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на непріятельскія ядра и пули. Если вопросъ шелъ о достиженіи высшей цѣли, онъ

не страшился никакой, даже самой явной опасности, хладнокровно, непоколебимо смотрѣлъ, какъ валились около него люди и лошади, и ни на минуту не выпускалъ изъ вида однажды задуманнаго. Быть можетъ, Наполеона подвѣтила, въ такихъ случаяхъ, фаталистическая мысль, что онъ, избранное Богомъ орудіе, обязанъ неуязвимо до тѣхъ поръ, пока не совершитъ предназначенную ему на землѣ задачу... Усилить гвардейскую артиллерию еще сорока пушками изъ резерва, онъ подчинилъ всю эту грозную массу изъ ста орудій своему генералу-адъютанту Дористону. Заревъ страшная канонада. Австрийцы, хотя гораздо слабѣе числомъ и съ разбросанными батареями, отъвѣчали мужественно и держались долго. Когда же подошелъ со своею сильною колонною Мандональдъ и когда боевой порядокъ противника былъ признанъ достаточно разстроеннымъ, тогда вѣрно было произвести атаку въ направленіи отъ Зюсбрунна. Мандональдъ жестоко терпѣлъ отъ средоточеннаго огня австрийцевъ, но наступалъ неустрашимо. Наконецъ, послѣ чужаго стойкаго сопротивленія, австрийцы стали отходить медленно, твердо, въ порядокъ, все еще грозно. Что случилось бы, если бы, при истинно-удивительной храбрости, обнаруженной ими во все время боа, силы ихъ были въ совокупности, если бы они имѣли на своей сторонѣ въ годы значительныхъ резервовъ? Но резервовъ не было нигдѣ, и потому же представлялось возмозности отразить сильную подвѣщенную атаку Мандональда. Отдаленныя отходныя колонны ни въ чемъ не послужили австрийцамъ: одна изъ нихъ (эрицбергскаго Лодина) вовсе не участвовала въ дѣлѣ; другая при нуждѣ была послѣдшне удалена, чтобы самой не быть отрываемою въ припорою изъ Дунаю. Тѣмъ не менѣе послѣдствіе новозоймае сопротивленіе австрийцевъ такъ подвѣствовало на Наполеона, что онъ преслѣдовалъ ихъ съ большою осторожностью. Это сдѣлано имъ утромъ 11го числа, когда онъ находился въ окруженіи войско-президеранами и старою пѣшею гвардіей. Наполеонъ приказалъ раскинуть свою турецкую палатку и отдалъ распоряженія на отдаленные часы дня. Затѣмъ посланы были курьеры въ Парижъ и въ Минхенъ, въ Петербургъ побѣдную вѣсть повезомошодю пошлѣ; ближайшій ротмистръ Чернышевъ (*), командиръ, вместе съ княземъ Гагаринымъ и полк.

(*). Высочайшій полковникъ генералъ, князь, военный министръ и наконецъ предсѣдатель Государственнаго совѣта.

ковникомъ Горголи, состоятъ при французской главной квартирѣ и въ короткое время умѣлъ заслужить, въ высшей степени, уваженіе и благорасположеніе Наполеона. Прежде чѣмъ палатка была готова, императоръ сошелъ съ коня и легъ на небольшой коверъ, постланный на травѣ мамелюкомъ. Чтобы заслонить его отъ палящихъ солнечныхъ лучей (время было между 2 — 3 часами пополудни), сложили изъ барабановъ пирамиду; кругомъ были поставлены, ради предосторожности отъ натиска людей и лошадей, четыре гренадера. Министры, генералы, офицеры размѣстились по близости, наблюдая всѣ глубочайшее молчаніе. Наполеонъ тотчасъ же заснулъ, но скоро былъ разбуженъ Дюрокомъ, который привелъ плѣннаго австрійскаго полковника Орейли. Полуприподнявшись, императоръ довольно долго разговаривалъ съ нимъ по-итальянски, потомъ всталъ, взглянулъ на свою двигающуюся впередъ армию и вошелъ въ палатку. За нимъ послѣдовали Бертье, Шампань, Марэ. Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ Даву и возвѣстить о выигранномъ сраженіи — сраженіи при Ваграмѣ!...

Вокругъ палатки собралась толпа генераловъ, полковниковъ и адъютантовъ. Среди ихъ находился и я, введенный моими знакомыми. Говорили о событіяхъ дня, остряли, смѣялись, шумѣли, какъ будто хозяина не было вблизи. Наконецъ явился Дюрокъ и пригласилъ насъ къ маршальскому обѣду — безъ церемоніи, какъ онъ выразился. На лугу разстлали скатерть и поставили все что было изъ запасовъ. Многіе волевали перимски на природномъ зеленомъ коврѣ и истребляли трапезу. Когда стало смеркаться, мы, русскіе, сѣли на коней и отправились въ Эберсдорфъ. Немного проѣхали мы, какъ услышали позади себя шумъ, а въ тылу арміи замѣтили большую суматоху. Я приостановился, желая узнать причину. Казалось, будто массы австрійской кавалеріи, находившіяся слѣва, намѣревались отрѣзать намъ дорогу къ мосту. Въ этотъ самый моментъ поднялась такая бѣготня людей и лошадей, что мой огненный чертесъ закусилъ удила и увлекъ меня въ общее неистовое бѣгство. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ удалось отъ него удержать его, идя вдругъ мимо меня промчалась императорскіе рейткнехты съ криками: „Sauvez-vous donc! la cavalerie autrichienne charge les tentes de l'empereur!“ („Спасайтесь! австрійская кавалерія атакуетъ палатки императора!“) Непонятнымъ казалось для меня, что австрійская кавалерія оту-

тихо у Адриана и даже у мостовъ; но рассуждать объ этомъ было некогда, и я направилъ моего быстрого коня къ Эберсдорфу. На пути представились мнѣ всякаго рода возмутительныя сцены: французскіе солдаты грабили своихъ же маркитантовъ; транспорты цѣнныхъ были брошены на произволъ судьбы; французы, со свойственнымъ имъ проворствомъ, уцеплялись по всемъ направлениямъ. Наконецъ встрѣтился я съ какимъ-то французскимъ генераломъ, который остановилъ бѣгство тѣмъ, что приказалъ рубить бѣгущихъ. Мѣра подѣйствовала, да и въ тылу вовсе не было неприятеля.

Въ то самое время, когда это происходитъ у мостовъ, Наполеонъ, убаюканный побѣдою, спалъ уже около получасу въ своей палаткѣ раздѣтый. Прискакавшие во весь опоръ кавалеристы закричали: «вставайте! вставайте! къ оружію! неприятель здѣсь!» Крикъ этотъ повторился по всей окрестности. Гвардія, бивуакировавшая у императорской палатки, встала за ружье, составила каре; Наполеонъ сѣлъ на коня. Скоро однако оказалось, что тревога была фальшивая и напуганные успокоились. Въ строгомъ же смыслѣ, тревога не была фальшивою. Эрцгерцогъ Іоаннъ, выступивъ изъ Пресбурга къ Мархову полю, выслалъ на развѣдываніе отрядъ, подъ начальствомъ полковника Герамба, который проникъ до Дойберсдорфа, Нейзиделя и даже и навелъ паническій страхъ на французскихъ мародеровъ. Судя по суматохѣ, происшедшей отъ того у мостовъ, позволительно заключить не безъ основанія, какое дѣйствіе произвело бы нѣсколько не невозможное появленіе эрцгерцога Іоанна. Если, шестью годами позже, отчаянный гусарь Блюхеръ приготовилъ Наполеону Ватерлоо свою безоглядную атакою, то и эрцгерцогъ Іоаннъ, даже при болѣе рассчитанномъ дѣйствіи, могъ бы дать аврамскому сраженію другой оборотъ. Этого не случилось, и Наполеонъ, вернувшись въ свою палатку, задремалъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ такихъ же размышленій, которыя чрезъ три года заставили его, по опыту, сказать: „Du zibbne an ridicule il n'y a qu'un pas!“ („Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ!“)

и Воскресившись изъ Эберсдорфа въ Вѣну, я почувствовалъ себя перерожденнымъ. Пороховой дымъ, канонада, все слышанное опущенія, испытанныя мною въ продолженіе боя, произвели на меня благотворное дѣйствіе: буря событий разогнала мои мрачныя настроенія духа, и я рѣшился продолжать маршъ

вызванную походную жизнь. Гагаринъ, по причинѣ ушиба, принужденъ былъ остаться въ Вѣнѣ, но Горгоянъ и Виттъ присоединились къ нѣмъ. Я купилъ себѣ верховаго коня и вьючную лошаадь, что было нетрудно, такъ какъ, по милости французскихъ реквизицій, никто не могъ поручиться за сохраненіе своей собственности, и 8-го поля, рано утромъ, выѣхалъ съ моими спутниками въ Волькерсдорфъ, гдѣ находилась главная квартира. На другой день я узналъ, что главные силы австрийской арміи отступили чрезъ Голлабруннъ на Цнаимъ, преслѣдуемые корпусомъ Массены, между тѣмъ какъ Мармонъ пошелъ къ Лаа, на Тауъ. Хотя на каждомъ шагѣ встрѣчались сожженные мосты или прорванные плотины, однако Массенѣ удалось настигнуть австрийцевъ у Голлабрунна, гдѣ дошло до серьезнаго дѣла. Австрийская кавалерія рѣшительно отразила здѣсь атаки французскихъ кирасировъ и вообще показала блистательное превосходство; но какъ отступление было рѣшено, то и приобретенная ею выгода не повела ни къ чему. Корпусъ Мармона направился изъ Лаа къ Цнаиму во слѣдствіе австрийцевъ, Массена же послѣдовалъ за ними туда прямо по большой дорогѣ и форсировалъ тамъ ихъ позицію. Между тѣмъ князь Лихтенштейнъ, богатый и храбрый магнатъ, во все время паніи такъ мало дорожившій своею жизнью, какъ будто не имѣлъ копѣйки за душою, былъ посланъ въ главную квартиру Наполеона и заключилъ перемиріе.

Перемиріе указывало на скорое заключеніе мира; моя походная жизнь кончилась; я положилъ воротиться въ отечество, отказавшись отъ мысли видѣть страну, гдѣ такъ недавно стояло Тихо миръ и гордо дѣвръ стоять.

Я выѣхалъ изъ Вѣны на курьерскихъ и продолжалъ путь между арміями, еще стоявшими подъ ружьемъ. Въ окрестностяхъ Кракова находились русскіе аванпосты, а въ самомъ городѣ встрѣтилъ я единаго разпробсертника обвѣтима генерала графа Саверъ, старшаго моего пріятеля и вѣжливой чобарницѣ. Въ Тарновѣ видѣлся я съ начальникомъ русскаго исполнителя маю верстуца въ Галиціи, княземъ Сергіемъ Пониницкимъ, и получилъ отъ него дѣлашу къ Государю Императору. Приблизъ въ Петербургѣ совершенно разбитый и измученный я, согласно давнему видѣ княземъ Пониницкимъ приказанію, явился къ дѣшевицѣ къ графу Арцъеву, который полагалъ на

кувертъ карандашемъ мое имя и часъ моего прихода и сказалъ мнѣ отрывкомъ: „Его Величество желаетъ говорить съ вами; потому будьте дома и оставьте вашу адресъ въ моей канцеляри“. Такъ я и сдѣлалъ, а затѣмъ поспѣшилъ въ гостиницу и просидѣлъ безпробудно восемнадцать часовъ сряду. Австрійскій портвейнъ, ружьё, русскій колокольчикъ, распросы и допросы на аванпостахъ и курьерская телега по пыльнымъ дорогамъ утомили меня. Я былъ разбуженъ медъветеркомъ, присланнымъ отъ Аракчеева съ приказаніемъ явиться въ одиннадцать часовъ въ приемные покои Его Величества.

Въ назначенное время я былъ на мѣстѣ. Графъ Аракчеевъ выпилъ чашку государева кабинета и, не обращая вниманія на низкіе подковы придворныхъ и генераловъ, прямо приблизился ко мнѣ, взявъ меня за руку и сказалъ: „спустите въ генераль-адъютантскую, и какъ только выйдете отъ Его Величества французскій посолъ (Боденкуръ), идите, не ожидая дальнѣйшаго приказанія, прямо въ кабинетъ Государя Императора“. Всѣ присутствующіе съ удивленіемъ посмотрѣли на меня, никому не давъ отнаться, при такомъ обращеніи со мною могущественнаго человека.

Не безъ сильнаго смущенія вступилъ я въ кабинетъ Его Величества; но кротость и благость, выразившіяся на лицѣ императора, его спокойное, благородное обращеніе и ласковыя слова, съ которыми онъ обратился ко мнѣ, скоро возстановили во мнѣ присутствіе духа. Послѣ нѣсколькихъ постороннихъ вопросовъ, предложенныхъ для того, чтобы я успѣлъ ободриться, Его Величество обратился къ предмету, о которомъ желалъ узнать отъ меня подробности. — „Вы были свидѣтелемъ весьма замѣчательныхъ событій“, сказалъ государь. Я сталъ извиняться, что, по непредвидимому стеченію обстоятельствъ, былъ вовлеченъ въ военныя событія за границу, не испросивъ предварительно дозволенія. Императоръ замѣтилъ благодушно, что „не только не винить меня въ томъ, напротивъ именно по этому обстоятельству и обратилъ на меня свое вниманіе“. Затѣмъ Его Величество вошелъ въ ближайшія подробности и сталъ спрашивать о событіяхъ, которыхъ я былъ свидѣлемъ: каждый изъ вопросовъ его отличался точностію, цѣлесообразностію.

При разсказѣ моемъ я упомянулъ также о фальшивой тревогѣ въ концѣ ваграмскаго сраженія и о происшедшей отъ того суматохѣ въ тылу французской арміи. Это обстоятельство,

еще неизвѣстное государю; по видимому, удивило его. „Стало быть—замѣтилъ онъ—и у французовъ есть свои слабыя стороны“; но потомъ серьезно приказалъ мнѣ молчать объ этомъ случаѣ, до полученія ближайшихъ объясненій. Аудіенція продолжалась почти часъ. Отпуская меня, Его Величество прибавилъ милостиво, что „ему было бы пріятно, если бы я, вступленіемъ вновь въ службу, имѣлъ впредь полное право присутствовать при военныхъ событіяхъ“. Я былъ такъ пораженъ, такъ потерялся и въ добавокъ находился подъ такимъ вліяніемъ недавней смерти моей жены, тѣло которой еще не было погребено въ фамильномъ склепѣ, что не нашелся тотчасъ же отвѣчать на столь лестныя для меня слова. Государь, вѣроятно, принявъ мое молчаніе за отказъ, далъ другой оборотъ разговору и отпустилъ меня ласковымъ наклоненіемъ головы. Впослѣдствіи генералъ Уваровъ (командиръ гвардейскаго корпуса) передалъ мнѣ, что императоръ сказалъ ему: „Жаль, что Левенштернъ не хочетъ служить: Я принялъ бы его въ кавалергардскій полкъ и назначилъ бы флигель-адъютантомъ“.

Такимъ образомъ, по своей неразсудительности, я не воспользовался самымъ благопріятнымъ случаемъ вновь поступить на службу.